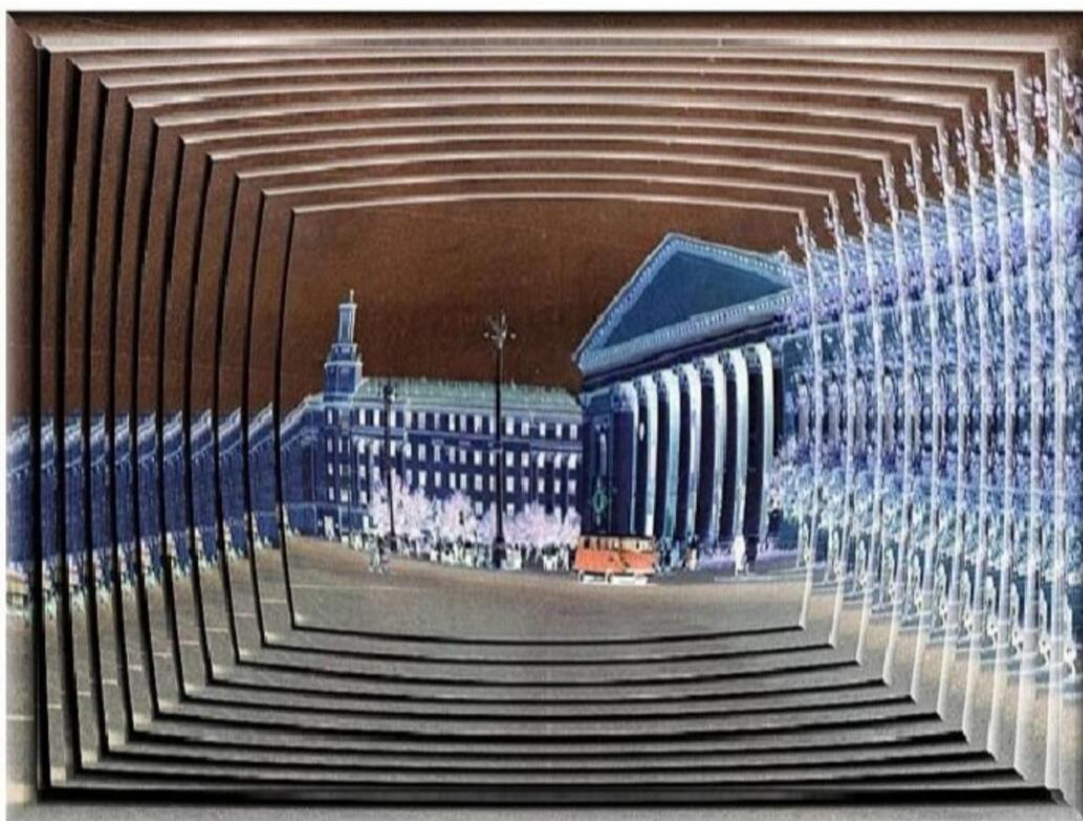

Василий Щепетнев

Зимний мальчик

Василий Щепетнев

Зимний мальчик

«Автор»

2023

Щепетнев В. П.

Зимний мальчик / В. П. Щепетнев — «Автор», 2023

Сгорев в пламени ядерного инцидента 2026 года, герой воскресает в прошлом. В 1972 году. В себе - восемнадцатилетнем. Почему? Зачем? Получить от жизни то, что он по тем или иным причинам недополучил? Или есть какая-то сверхзадача?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Василий Щепетнев

Зимний мальчик

Предуведомление

Автор со всей ответственностью заявляет, что написанное ниже – выдумка. Плод фантазии. Художественное произведение, в некотором роде. И даже исторические лица, которые, возможно, встретятся читателю – тоже выдумка, и не имеют ничего общего с реально существовавшими и существующими персонами.

Неправда это всё, в общем.

2026 год

Огонь сметает всё: дома и деревья, небо и землю. Я стою спиной к городу. А то бы ослеп. Волосы на затылке, одежда – горят. Мне больно.

Всё-таки прилетело.

Жаль.

Глава 1

1

1972 год 20 июля, четверг

ПРОБУЖДЕНИЕ

Вокруг тьма. Полная. И тишина. Только тянет гарью издалёка.

– Миша, ты как? – голос папеньки. Значит, загробная жизнь всё-таки существует, и мы встретились.

– Да так, ничего – отвечаю я. Голос громкий, ясный, чистый. Молодой.

– Что-то приснилось, Миша?

Пятно света на стене, слабое, жёлтое. Старый фонарик с лампочкой накаливания.

– Что-то, – отвечаю и сажусь.

Окно озарила вспышка, и в мертвенном свете вижу отца – в халате, китайским фонариком в руке. Секунду спустя – оглушительный гром.

Похоже, чистилище. Или даже ад.

– Гроза-то какая! Света нет по всей Сосновке.

Ага. Не чистилище. Сосновка.

– Значит, всё в порядке? – продолжил папенька.

– В порядке, – отвечаю я.

– Тогда досыпай. Утром в аэропорт.

– Досплю.

Папенька уходит, оставляя меня в темноте.

Впрочем...

Я опускаю руку. Под тахтой – свой фонарик. В Сосновке перебои с электричеством не сказать, чтобы часто, но и не совсем редко. Если сильная гроза, или ветер особенный, ураганный. Но ураганы редки. Не Канзас.

Включаю фонарик. Такой же тускло-жёлтый свет. Или после вспышки так кажется?

Смотрюсь в зеркало. Лицо недоуменное. Молодое. Более того, юное. Тело тощее.

Задумываюсь. Я старик, которому снится, что он молод, или юноша, которому приснилось, что он старик посреди ядерной войны?

Спать хочется.

И я уснул. До утра.

Июльское утро раннее. Папенька ест свой обычный завтрак – два яйца всмятку, бутерброд с вологодским маслом, стакан травяного чая. Я – рисовую кашу с рыбными тефтельками и маленькую чашечку кофе, две чайных ложки с верхом. Растворимый, скоростной.

Говорим мало, о незначущих вещах: гроза была сухая, без дождя, а жаль. Электричество дали быстро, холодильник не разморозили, утро ясное.

Звонит красный будильник – пора в путь.

Выходим из дома, садимся в машину, серую «Волгу», последнюю в своем роде. Папенька говорит, что Петрович проверил её со рвением, что-то подтянул, что-то продул, но в целом автомобиль в прекрасном состоянии.

– Это хорошо, – отвечаю я, и трогаю плавно, без рывков. Практики вождения у меня немного, но я способный ученик. А папенька за руль садится редко. Не любит этого.

Мы едем в аэропорт. Папенька улетает на гастроли. Вся труппа уехала позавчера, поездом, а он сегодня.

В аэропорту достаю из багажника папенькины чемоданы, те самые, из

Чехословакии, куда папенька ездил с вместе с маменькой на гастроли в далеком шестьдесят седьмом. Отношу к стойке. Папенька – депутат, потому ему положено без очереди, но очереди и нет, час ранний, это первое, а второе – в июле все летят на юг, а папенька – в Свердловск.

Проходим в депутатский зал ожидания. Ожидание, полчаса, длится долго. Папенька отдает последние советы и указания.

Наконец, объявляют посадку.

Я смотрю со второго этажа, как взлетает «Тушка». Красиво взлетает.

Возвращаюсь в машину, еду домой, в смысле – на дачу, последние полгода я живу на даче. Загоняю «Волгу» в гараж. Чтобы «ЗИМ» не скучал. В тесноте, но не в обиде. Переодеваюсь, иду на электричку.

У меня сегодня биология. Приезжать на вступительные экзамены на папенькиной «Волге», да хоть и на дедушкином «ЗИМе» дурной тон. Да и вообще это у нас семейное: ни папенька, ни дедушка вождением не увлекаются. Мне тоже ездить особенно некуда, а хвататься нет желания. В классе мы два года занимались автоделом, то есть мальчишки. Девочкам преподавали домоводство. И теорию, и вождение все сдали, но права получать отсрочили до восемнадцати лет.

Правда, мне права вручили неделю назад. В порядке исключения. Как же, отец депутат, это раз, ведущий солист оперного театра, это два, а мать – сама Соколова-Бельская, это вообще отпад. Потому права у меня за подписью самого главного областного гайца. Можно сказать, права с отличием. И от гайцов неприятностей я не жду, а всё ж ни к чему пижонить.

Электричка прибыла в срок, и через двадцать минут я в вестибюле института. Иду в экзаменационную комнату. Пока остальные мнутя и жмутся, прохожу в первые ряды, беру билет и готовлюсь, рисую на листке зайчиков и лисичек. Подождав положенное время, отвечаю. Получаю пять баллов и выхожу назад, к бледным от переживаний абитуриентам.

Знакомых не вижу. Наша школа по номеру и по всему остальному считается первой. С углубленным изучением иностранных языков. Запросто в нашу школу не попадешь. Из нашей школы в медицинский пошли ещё Стельбова и Бочарова, но у Стельбовой золотая медаль, сдала химию и уехала в Карловы Вары поправлять здоровье. А Бочарова приходит последней, такая у нее примета. Любит сдавать последней. Остатки сладки.

Я совершенно свободен. Зачисление с двадцатью пятью баллами (четыре экзамена плюс пятерка из аттестата) не вызывает ни малейшего сомнения.

Дошел до почтамта, он недалече, пятнадцать минут неспешной ходьбы, да и куда спешить. Отбил папеньке срочную, адрес простой: Свердловск, Опера, Соколову-Бельскому, а текста одно слово: «Успех». Поспорил с телеграфисткой, Соколов-Бельский – одно слово или два, и почему в адресе нет улицы и номера дома? Адрес я отстоял (знал, конечно, улица Ленина, сорок шесть, но папенька считает, что достаточно написать «Опера», по аналогии «Москва, Кремль, Ленину») а вот за фамилию пришлось уплатить двугривенный. Всё ж не Ленин. Дойдёт быстро, папенька успокоится, если вообще волнуется. Конечно, волнуется, но не обо мне: вечером выступление, «Евгений Онегин», гастрольная премьера.

Вернулся к мединституту. Абитура тревожится, как зайцы в ожидании Маза, у большинства экзамен впереди. Листают книги, надеясь на озарение последней минуты. Родители рядом. Поддерживают. Очередной претендент на высокое звание советского студента покинул скамейку, и я занял его место и начал есть мороженное, купленное по пути.

Вкусно.

Вкусно-то вкусно, а дальше?

Что делать? Фер-то ке? Остаток июля и август? И сентябрь? Учиться-то начнем в середине октября, это я знаю наверное.

Откуда знаю? Об этом и нужно подумать. Вот что делать: думать!

Что со мною было ночью? Сон? Оно бы и хорошо, только прежде таких снов я не видел. А что со мною сейчас? Ну, сдал экзамен, ладно, но почему я спокоен? Не радуюсь, не пляшу? Нет, радоваться я, конечно, радуюсь, но самую малость, как радуются люди, сложившие два и два, и получившие в результате четыре.

Ах в медицинский, ах, буду врачом – ещё вчера эта мысль наполняла меня если не блаженством, то волнением – точно. А сейчас я вдруг понял, что это – не моё. В смысле врачевание. Что и во врачах я останусь вечным перворазрядником.

Третий разряд по шахматам я заработал в четвертом классе. Второй – в пятом. Первый – в шестом. Наш физик, Илья Ильич, большой энтузиаст шахматной игры, считал меня если не новым Талем, то около того. Возлагал большие надежды. Ан нет. Стоп машина. Седьмой, восьмой, девятый классы пришли и ушли, а я всё топтался на месте. И ведь старался! Прочитал три дюжины умных шахматных книжек, решал задачи и упражнения, разбирал партии корифеев, но не в коня корм, потому десятый класс я отдал целиком школе. Ну, почти. Папенька папенькой, но учиться нужно. Почему нет? Учиться я могу, умею и даже люблю. В определенных границах. Первого разряда.

Оно, конечно, первый разряд тоже здорово, особенно для тех, кто слаще морковки ничего не видел. Но я-то видел.

Вот папенька – лирический тенор, дипломант всесоюзных конкурсов, ведущий солист нашего театра. Это не первый разряд, это мастер, и крепкий мастер. А вот маменька, сопрано, лауреат международных конкурсов. Её позвали в Большой театр, и там она стала исполнять ведущие партии. Это уже гроссмейстер из лучших. А папеньку в Большой не позвали. У них своих мастеров довольно. Нет, на третьи роли его бы взяли, теперь-то, когда маменька закрепилась в звёздах, даже на вторые, но папеньке нужно блистать, а не петь «кушать подано».

А я... Когда, ещё в детстве, родители жили вместе, я тоже мечтал стать певцом. Родители поощряли, учили. Я допелся опять же до своего предела – и не шагу вперед. Ну да, пять октав и даже больше, это потому, что в детстве подражал и папеньке, и маменьке, но голос-то камерный. Да и тот – по первому разряду. Лауреат городского конкурса юных талантов. А на всероссийском оказался во втором эшелоне. Каково среднему перворазряднику среди кандидатов в мастера? А среди мастеров и вообще без шансов. Поражения и редкие ничьи.

Видно, и врач из меня получится перворазрядный, если очень постараюсь. А мастером мне не стать. Знаю наверное. Откуда?

Конечно, лечить людей по первому разряду очень даже неплохо, стыдиться нечего. Но я-то хочу большего. А чего именно? Спасти мир? Открыть противотанковую мазь, таблетки от голода, лазарь-вакцину? Не получится.

А попытаться стоит, сказал внутренний голос. Внятно сказал. Вакцину, не вакцину, а побороться за будущее нужно. За собственное будущее в частности, и за будущее всего человечества в целом.

Нет, всё-таки я переутомился. Год интенсивной учебы, облом с медалью, вступительные экзамены – нагрузка немалая, вот и зазвучали внутренние голоса.

Подошла Бочарова с эскортом: мать, старший брат и тётя Нинель. Врачебная династия, дедушка Бочаров ещё на гражданской войне врачевал больных и раненых. Дизентерия, тиф, сифилис и прочие поветрия хотели разбить Красную Армию, ан – не вышло! Это и написал в своих воспоминаниях Еремей Евграфович Бочаров. Есть у меня эта книга, старая, довоенная.

Я подошел к потомственным врачам.

– Добрый день!

– Добрый, добрый. Тебе чего, Чижик? – Бочарова с досадой смотрела на меня. Ну да, у неё впереди экзамен, а я отвлекаю.

– Если вдруг спросят, что заставляет человека дышать, ты того, про нейромедиаторы не говори. Говори – возрастающая концентрация углекислого газа, и баста.

– Ну, спасибо, – кисло ответила Бочарова.

– Пожалуйста. Не пуха.

К черту меня послали братец, Юрий Алексеевич, врач-скорпомощник. А сама Бочарова, решившись, пошла ко входу в институт.

Ладно.

Я вернулся. С чего это вдруг я полез с непрошеными советами? А помстилось вдруг, что её, Бочарову, когда-то срезали этим вопросом. Ну, не то, чтобы совсем срезали, а вместо пятерки четвёрку поставили, а это почти провал. И она очень переживала, а с ней и все семейство. Когда срезали? А во сне. В каком-то смутном сне.

Кончилось мороженое. Выбросил обертку. И сразу стало пусто на душе. Душа на одну порцию мороженого. Какая есть.

Кстати, Чижик – не прозвище. Чижик – моя фамилия. И фамилия папеньки – изначально. Это позже, когда пришло время сцены, он взял фамилию маменьки, Соколова-Бельская. Звучная, даже с намеком на высокое дворянство. А Чижик для оперного певца не подходит. «Партию Ленского исполняет Владлен Чижик» – ну, куда это годится.

Но я не оперный певец. И ещё очень любил дедушку и бабушку, папенькиных родителей. Вот и остался Чижиком.

Сразу уж: папенька и маменька – это с детства, лет с трех приучили. Казалось – стильно, мило, оригинально. Как в лучших домах серебряного века. Потом, в школе я думал, что не стильно, а дебилно. А сейчас – просто семейное обращение. Когда от семьи осталось мало, дорожишь каждым осколком.

Высочила Бочарова. Быстро это она. Бежит радостная. Её обнимают, целуют. Стало быть, тоже пятерка. Заслужила. Учится она хорошо, не хуже меня. Перворазрядница учёбы.

Бочаровы ушли. Да и все разошлись. Экзамены кончились.

Что-то мне одиноко. Самойлов в Ленинграде, поступает в медакадемию, мечтает стать врачом на крейсере. Курков – тот в физтех нацелился, опять же далеко. С остальными отношения прохладные – после того самого собрания.

А дело было так: в школьном драмкружке мы репетировали шуточную пьеску «Женитьба Зоотехника», по Чехову с прибавлением Зощенко. Музыкальную. Ничтоже сумняшеся, музыку позаимствовали из оперы «Иисус Христос – суперзвезда». Слова, конечно, наши. «Как благороден душою и сердцем милой Евгении славный отец, за высокое счастье быть его зятем готов хоть сегодня идти под венец», и дальше подобной чепухи на пятнадцать минут. Краткость, как известно, наша сестра.

Во время генеральной репетиции Юшаков, первейший солист нашей школы, вдруг вместо финального «Наш колхоз, наш колхоз, выполнил план по надою коз» пропел «Наш Ильич, наш Ильич, Наш дорогой Леонид Ильич». Что на него вдруг нашло? Не знаю.

Полыхнуло. С оргвыводами. Завуч ушла на пенсию, директору поставили на вид, Юшкова исключили из комсомола, а хотели и всех нас. Я был сбоку припёка – основной клавишник заболел, и я замещал его (сам ни петь, ни играть, ни плясать не рвался, но Бочарова, наш комсорг, пристыдила, мол, нельзя так зазнаваться, следует помочь товарищам), но тоже попал под раздачу. На комсомольском собрании сказал лишь, что хотя я и не пою, а только на клавиши нажимаю, но очень люблю нашего дорогого Леонида Ильича. Что плохого – пропеть ему славу? Райкомовец и срезал: дело не в дорогом Леониде Ильиче, а в том, что вы взяли за основу чуждую музыку. И комсомольцы класса, ещё вчера считавшие, что всё очень здорово, дружно осудили нас и единогласно проголосовали за строгий выговор. Ну, а с выговором какая уж медаль? Обыкновенно на нашу школу давали не менее трёх золотых медалей, а тут – одну. Естественно, Стельбовой. А нам с Бочаровой в райкоме комсомола заявили, что медали свои вы пропели, скажите спасибо, что вообще дали возможность закончить школу.

Мы с Бочаровой спасибо сказали. Но голосование товарищей по классу запомнили.

Папенька был недоволен, но умеренно. Видел в случившемся интригу против директора. Мол, если не нравится либретто или музыка – нужно было сразу запрещать. Действительно, в чем моя вина? В том, что на репетиции заменил заболевшего товарища? Папенька пошёл не в райком комсомола, что ему райком. Он в обком партии пошёл. Сразу дали задний ход, выговоры с нас сняли, Ваньку Юшакова восстановили в комсомоле, но медали – тью-тью.

Ладно, чего уж там. Поступил, а для другого медаль и ни к чему. К тому же одно название, что золотая. Томпаковая она. Сиречь латунная. Химию я учил zelo хорошо, и пятёрку получил заслуженно. Как и остальные пятерки.

Какая ерунда лезет в голову!

Я посмотрел на часы: однако! Вот уже и шестнадцать ноль-ноль! Как быстро идет время.

Вот что мне делать? Пойду домой. Куда? В Сосновку, на дачу? Или в городскую квартиру?

Выбрал Сосновку. Там в холодильнике борщ.

Опять вокзал и электричка. Людей много, лето же. Жаркое, знойное, сухое. Окрест Москвы, говорят, пожары. У нас, по счастью, нет. И потому к концу рабочего дня люди потянулись на дачи.

Наша дача, точнее, моя, стоит в особом месте. Тут живут люди серьезные. Забор вокруг территории, пост милиции. Собственно, у меня не просто дача, а целый дом с мезонином. В мезонине мастерская, здесь работал дедушка, Чижик Иван Петрович, народный художник СССР. В прошлом году умер, через неделю после девяностолетнего юбилея. И оставил дом мне. Дом и всё остальное. Пришлось выписываться из городской квартиры – иначе нельзя. Ну, выписался. И прописался в Сосновке. Загодя, ещё при жизни дедушки. Дедушка был мастером планирования.

Я зашёл в дом, прошёл в гостиную. Три дедушкины картины на стенах, большие, так и гостиная немалая.

Сел и стал смотреть. Это успокаивает. Первая – «Сталин и дети». Иосиф Виссарионыч расположился в плетёном кресле, рядом – пионер с планером в руках, на пионера смотрит девочка, а на втором плане – пацаненок лет пяти, коротенькие штанишки на лямках. Дедушка не раз объяснял мне, что пионер – Вася Сталин, девочка – Светлана, а пацаненок – папенька, Владлен Иванович. Очень, говорят, товарищ Сталин любил эту картину. Держал на кунцевской даче. И каждое солидное заведение покупало авторскую копию, а заведения попроще – репродукцию. И почёт, и деньги рекой. При жизни Иосифа Виссарионыча.

Вторая картина – «К звёздам!». Никита Сергеевич Хрущев стоит на открытой летней веранде, в вышиванке, соломенная шляпа на столе, а внизу, у клумбы, пионер и девочка готовят к запуску ракету – то ли действующая модель, то ли просто макет. А пацаненок, совсем клоп, с восторгом смотрит на них.

Пионер – Сергей Никитович, девочка – Рада, а пацаненок – это я. Никита Сергеевич, говорят, держал эту картину на своей даче, многочисленные авторские копии были в приличных школах и домах пионеров, даже в Артеке, а школы попроще покупали репродукции.

Третья картина – «Отвага». Леонид Ильич Брежнев по колено в воде, с автоматом в руках, в окружении солдат высаживается на Малой Земле. Юный боец с восторгом смотрит на политрука. Юный боец – ну, понятно кто.

На эту картину дедушка возлагал большие надежды...

Зарядившись изобразительным искусством, я перешел к искусству музыкальному. К кабинетному роялю. Блютнер был по случаю куплен у одного генерала в сорок восьмом. Имя генерала дедушка мне так и не сказал. На этом рояле бабушка аккомпанировала папеньке, когда решили, что из Владлена художник не выйдет, а вот певец – очень может быть.

Сел. Размял кисти. И – самое трудное. «Кампанелла». Лист шуток не любит. Сразу ясно, кто работал, а кто погулять вышел. Я каждый день стараюсь хоть полчаса, да поиграть. Для

души, не на публику. Да и какая публика? Маменька с папенькой хотели меня в лейб-концерт-мейстеры определить, но дедушка пресёк. Понимал, что внучку слушать, а не петь – мука. А пением мне до папеньки с маменькой – далеко. Ладно, чего пережевывать.

Листа отыграл без огрехов, но и без блеска. Бывало и лучше. А потом перешел к вольным упражнениям. Играл, что само ляжет на клавиши. Буги-вуги, Чайковский, Кумпарсита... Я даже запел.

Una furtiva lagrima
Negli occhi suoi spunto:
Quelle festose giovani
Invidiar sembro.
Che piu cercando io vo?
Che piu cercando io vo?

Странно. Давно мне не пелось.

Я встал, вышел из-за рояля. Сидя – это баловство, а не пение. А я по-настоящему, как папенька. И маменька.

И я вдарил (так дедушка обозначал мое фортиссимо). Да, могу. Но недолго.

Через три минуты устал. Да и слова кончились.

К роялю возвращаться не хотелось. Иссякла моя музыка. На сегодня.

Пошёл на кухню. К холодильнику. К борщу.

Обыкновенно мы едим в столовой. Мы – это когда с дедушкой, а прежде и с бабушкой. Вера Борисовна, домработница, приносила супницу и разливала каждому в плепорцию. Сервиз майсенского фарфора, австрийское серебро – ложки, вилки, ножи. Бабушка настаивала. Фарфор и серебро тоже куплены у генерала по случаю, только уже у другого генерала. После того, как самых видных трофейщиков посадили, генералы от лишнего избавлялись скоропалительно, вот дедушка момент и поймал.

Но это прежде. А сейчас я столуюсь на кухне, по пролетарски. Нет, когда с папенькой, то в столовой, но сейчас-то я один. И Веры Борисовны нет, после смерти дедушки она ушла на пенсию и уехала в Кострому. К дочке.

Не барин. Разогрел в маленькой кастрюльке борщ, заправил сметаной, покрошил дольку чеснока (дедушкина школа, он считал, что чеснок – здоровья залог) и только было собрался пообедать, а заодно и поужинать, как зазвонил телефон. Увы, не межгород. Я-то ждал межгорода, вдруг маменька позвонит. Или папенька. Но нет, это была Стельбова

– Что-то ты сегодня распелся, Чижик, – сказала она. – Я и не знала, что ты умеешь так петь.

– Я и не умею, – я посмотрел в окно. Закрыто. И в гостиной закрыто. Во-первых, комары, во-вторых, тянет подмосковной (или поближе?) гарью, а в-третьих, чтобы не досаждать соседям. Стельбовы – как раз соседи, их дача рядом. Метрах в тридцати.

– Не скромничай. А почему ты в школе не пел?

– Пел, – ответил я. – До седьмого класса.

– А потом? – Стельбова пришла в нашу школу в восьмом классе, когда ее отца перевели в Черноземск. Первым секретарем обкома перевели. Но из Москвы.

– А потом голос поломался, – выдал я привычную версию.

– С мальчиками это бывает, – согласилась Стельбова. – Но, похоже, он починился, твой голос. Поступление подействовало? И да, что за ария? Откуда?

– Слышал когда-то. А ты почему дома, а не в Карловых Варах?

– Мне недели хватило. Дома лучше, – и она оборвала разговор.

Зачем звонила? И знает, что я поступил? Хотя зачисления не было, результаты сообщат послезавтра.

Я вернулся к борщу. Не успел съесть и половину кастрюли – ещё звонок.

– Вас слушают.

– Это Антон. Антон Кудряшов!

– Привет!

– Ты, говорят, поступил?

– Должен поступить. Ну, я так думаю.

– Значит, свободен, и настроение хорошее?

– Можно и так сказать.

– Слушай, у нас завтра турнир начинается. Люди позарез нужны – подтвердить разряд, балл набрать. Лето, народ разбежался, каникулы, экзамены, отпуска, каждый человек на счету. Придешь?

– Да я не знаю...

– Тебе, кстати, тоже подтверждать разряд пора.

– Ну, я не планировал.

– А что ты планировал? Что-то важное?

– Ладно, приду. Во сколько начало?

– В половину шестого. И сразу первый тур.

– В половину шестого. Принято.

Теперь первым трубку повесил я. И опять вернулся к борщу. Он уже и остыл почти.

Антон Кудряшов из нашей школы, только старше на четыре года. Фанатик шахмат. Одно время мы играли вместе за школу, я в шестом классе, он в десятом. Потом он поступал в МГУ, на физмат, срезался, отслужил в армии, а сейчас учится уже в местном пединституте, будет учителем иностранных языков. Такое удивительное превращение. Но шахматам по прежнему предан, более того, подрабатывает в шахматном клубе, ведет занятия и вообще... Видно, в клубе горит план по турнирам, вот и обзванивает знакомцев.

Антон – шахматист не чета мне. Крепкий кандидат в мастера. С большими шансами на мастера.

Антон мне нравится, ведь в школе четыре года разницы – пропасть, а он со мной всегда на равных, пару раз крепко помог. Ну, крепко – по школьным меркам. Не могу я отказать Антону. Да ведь мне и в самом деле делать совершенно нечего. Отчего б и не поиграть? Сумею подтвердить разряд – хорошо, нет – поставлю точку. С плеч долой – душе покой!

Душа моя и так покойна. Почти.

Я все-таки пообедал, и даже вымыл посуду, когда телефон зазвонил в третий раз.

– Чижик? Это Бочарова.

– Добрый вечер, Надя.

– Добрый. Хотела спасибо сказать за предупреждение.

– Какое предупреждение?

– Про углекислый газ. Откуда ты угадал, что меня спросят?

– Совпало. Передо мной паренек сдавал, из сельских, его этим вопросом подрезали.

Дополнительным.

– Вот и меня хотели.

– Но не сумели.

– Не смогли. Так что ещё раз спасибо.

– Всегда пожалуйста.

Она помедлила, но всё-таки отключилась.

Сегодня я популярен.

Прибрал за собой. Дача большая, уборщик я один, разведу свинство – не расхлебаю, хрюкай, не хрюкай. Да и дедушка приучил к порядку. Сам человек искусства, дедушка любил армейскую дисциплину – как она ему виделась. Всякая вещь должна быть на своём месте, один из законов быта.

Прошёл в библиотеку. Ну да, большая дача, большая. У Стельбовых не меньше, но наша уютнее, раз, и личная, два. А у Стельбовых казённая. В том, конечно, и плюсы – дармовая прислуга, дармовый ремонт и вообще. Но есть и минусы.

Как удалось дедушке построить такую дачу? Деньги у него были, и немалые. Портреты не дешёвые, а ещё авторские копии, отчисления за репродукции и прочая... Но деньги не главное, важнее было то, что дедушку с семидесятилетием поздравил Иосиф Виссарионыч, а с восьмидесятилетием – Никита Сергеевич. Вот Леонид Ильич с девяностолетием не поздравил. Потому как не видел картины «Отвага». К нему, к Леониду Ильичу, пробиться труднее, чем к Сталину. Московские художники грудью стоят, не подпускают. Так бы они в войну стояли, ан нет, разбежались, кто в Ташкент, кто в Свердловск. А он, дедушка, всю войну в Москве провел. А в Черноземск переехал в сорок шестом: в Москве климат стал портиться.

Ничего, ходы кривые роет подземный умный крот. Увидит картину Леонид Ильич! Не сегодня, так завтра!

Я взял с полки книжку Ботвинника, «Алгоритм игры в шахматы». С автографом чемпиона: «Тезке с наилучшими пожеланиями». Нет, сам я с Михаилом Моисеевичем не встречался, это дедушка попросил. Он писал портрет чемпиона, теперь тот портрет висит в Центральном Шахматном Клубе. И авторская копия в клубах Ленинграда, Одессы, Киева и Черноземска. А репродукции в клубах поменьше, шахматных секциях, кружках...

С книжкой я и пошёл спать. Не в дедушкину спальню, та для меня слишком велика, да и не хочется. В ней папенька спит, когда приезжает отдохнуть. А я сплю в гостевой комнате, на тахте. Она, тахта, мне в самый раз.

Включил «Спидолу», настроил на Люксембург, тут, за городом, приём отличный, убрал звук до пианиссимо. Есть такая у меня привычка – если я в квартире один, спать под музыку. С младенчества, когда родители жили тесно, но вместе, и до глубокой ночи то пели, то играли, то слушали. Никогда не засыпаю, если не услышу я... Засыпаю, конечно, но с музыкой лучше.

Стал читать книгу. Ботвинник пишет не о шахматах, а о том, что будут скоро шахматные машины, электронно-вычислительные. Небольшие, с комнату. Или большие, с дом. Или огромные, с целый квартал. Они будут думать, как человек. И играть, как человек. Даже как мастер. И не только играть, а сочинять стихи или музыку, решать этические проблемы и , может быть, помогать в управлении государством. Но это потом. А сейчас Ботвинник создает машину попроще, только шахматную.

Я уснул, так и не дождавшись звонка.

Ни от папеньки, ни от маменьки.

Глава 2

2

21-22 июля 1972 года, пятница-суббота

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Партия первого тура началась ровно в восемнадцать. То есть в шесть вечера.

В пять минут седьмого я понял, что схожу с ума.

Соперником был старый знакомый, пенсионер Розенбаум. Вечный перворазрядник, мое отражение в будущем. Я с ним в турнирах встречался и прежде, три раза выиграл, два проиграл и две ничьи. Не самый трудный противник, но и не легкий. К тому же за год он немного сдал. Возраст. Ему, если не ошибаюсь, шестьдесят три.

Я играл черными, в ответ на е4 выбрал Каро-Канн. На четвертом ходу Розенбаум свернул с шоссе теории на тропинку практики. Сделал ход, мне неизвестный. Ничего страшного, ход так себе, потеря темпа, и только. Можно и нужно этим воспользоваться. Но как?

Я задумался. Ненадолго. Коня вывести? И тут перед глазами поплыло, подернулось чёрным туманом. А когда туман рассеялся, перед глазами появилась бегущая строка. Анализ партии, но странный анализ. Цепочка ходов, и цепочка эта росла и росла. А в конце цепочки оценка, которая тоже менялась. 0.44, 0.49, 0.53...

Вот они, последствия усердной учебы и мозгового штурма. Миша ку-ку. Правильные люди после экзаменов на курорты едут, водичку целебную пьют, ванны лечебные принимают. А я, вместо того, чтобы отдыхать, в шахматы играю. Опять нагрузка на мозги.

Вообще-то я сегодня отдыхал. Два часа на речке загорал, купался, книжку читал развлекательную. А всё равно рехнулся.

Хорошо, не буйный.

Анализ уже доходил до двадцать пятого хода черных.

– И вовсе не рехнулся, – успокоил внутренний голос. – Это просто ментальная проекция шахматной программы конца первой четверти двадцать первого века.

– А с кем я говорю? – осторожно спросил я. Мысленно.

– С самим собой, с кем же ещё.

– Ага, шизофрения.

– Глупый термин глупых людей. Все люди сами с собой ведут диалоги. Иначе и не бывает.

– То есть ты сидишь внутри огромной электронно-вычислительной машины?

– Я сижу внутри головы, – и рука сама почесала затылок. – Вот-вот, этой самой.

– А откуда тогда программы?

– Добрый дядя дал, – вздохнул я-второй. – В общем, пользуйся. А я поплю.

– Посплю?

Но ответа не получил.

По часам я уже пятнадцать минут думаю над очередным ходом. А, ладно, рехнулся, не рехнулся, жизнь покажет. Проверим практикой.

Ментальная проекция перебирала ходы на глубину до тридцать второго хода черных. Моего то есть. Хватит думать, нужно ходить.

И я сходил.

В дальнейшем длительных раздумий не допускал, тем более что моя шизофрения анализировала и во время размышлений Розенбаума. Минутку выжидал, и ладно.

На двадцать третьем ходу Розенбаум, оставшись без ладьи, сдался. Мы пожали руки, расписались в бланках. Я отнес бланки судье, а Розенбаум, как проигравший, расставлял шахматы наново. Завтра с утра сюда придут дети, на занятия шахматной школы.

– Выиграл? Вот, а ты сомневался, – сказал Антон. Он – помощник судьи. – Завтра в четыре, суббота.

Я только кивнул. У большинства игра в разгаре, а разговоры, они мешают. Особенно чужие.

Я вышел. Игра заняла полтора часа. Двадцать пять минут у меня и час пять минут у Розенбаума. Контроль у нас укороченный. Обычный, по два с половиной часа каждому, больно жирно будет. Люди с работы, уставшие. Ну, и первый разряд – не мастера. У мастеров строго. Даже у камээсов строго. А перворазрядникам и полтора часа хватает. На сорок ходов. С откладыванием партий.

Вечерело. В кино, что ли, сходить? У меня в голове своё кино. Кино на одного зрителя. Пусть таким и останется. Дядя доктор, я слышу голос в голове. Чей? Свой. Ну, это бывает. А электронно-вычислительная машина в голове? Большая? Не знаю. А что она делает? Играет в шахматы. И сильно играет? Не знаю. У Розенбаума выиграла, так и я сам у него выигрывал не раз. А целых два раза. А кроме Розенбаума у кого выиграла эта машина? Или кому проиграла? Пока только разок сыграла. Она что, сама играет? Она мне подсказывает. А сейчас она что-нибудь подсказывает? Сейчас она выключена. И кто ее выключил? Я. А включить можешь? Попробую.

Я попробовал. Бледная, едва видимая доска. Никакого анализа. А если представить – каким ходом белых лучше всего начать партию? И побежали строчки, e4, d4, c4, Kf3 Без явного преимущества какого-либо из ходов. Общеизвестный факт шахматной науки.

А выключить можно? Легко.

Я сидел на скамейке фонтанного сквера. Журчание воды гипнотизировало. Самоанализ по Дмитриенкову. Есть такая книга, профессора Дмитриенкова, «Как убедиться в здравости собственного рассудка», одна тысяча девятьсот двадцать третьего года издания. Бабушкина. Бабушка была хирургом, но в хирургической крепости не отсиживалась, а постоянно делала вылазки – в психиатрию, микробиологию, евгенику... И меня, тогда юного пионера, учила: к себе нужно относиться трезво и правдиво. Не искать утешения в мечтах, а воспринимать жизнь, как она есть, и себя в этой жизни тоже.

Если исключить невозможное, то остаток, как бы маловероятным он не казался, и есть искомое. То есть либо я просто сошёл с ума, либо произошла визуализация мыслительного процесса. Переход количества в качество. Прежде поэты, художники, композиторы считали, что их посещает муза и одаряет музыкой, стихами, картинами. Вот берет, и диктует «Я помню чудное мгновение...» Мы-то думаем, что поэты для красного словца так говорили, метафоричное сознание. А на самом деле Бетховен в тишине слышал музыку, а Булгаков видел спектакль. На самом деле! Оставалось только на бумагу записать. То есть, с позиции материализма, муза есть субъективное воплощение объективных процессов, а именно – мышление в доступной субъекту форме.

Впрочем, музыку и я слышу. С тех пор как себя помню, лет с трех. А теперь, стало быть, и шахматы стали являться. Но я, в отличие от людей прошлого века, в языческих божков не верю, вот мне и явилась электронно-вычислительная машина. Всякому времени свой образ, на дворе прогресс и печатный пресс. Раньше просто тупо считал за доской – если я так, то противник этак, я тогда пойду этой фигурой, а он той. А сегодня это оформилось в образ ЭВМ. Возможно, в кристаллизации образа сыграла роль книжка Ботвинника, что я вчера читал.

То есть я теперь мыслю иначе. А вот лучше ли – вопрос. И если лучше – то насколько. Жизнь покажет, опыт есть лучшая основа для теоретических построений.

Значит, так: буду считать, что у меня просто качественный скачок способностей, специфических по форме и шахматных по содержанию. А вот куда скачок, вперед, вбок или вовсе в кусты, будет видно по ходу событий. Вывод: о видениях молчать, продолжать жить обычной жизнью.

И я продолжил. Пошёл на городскую квартиру.

Идти недалеко, от фонтанного сквера пять минут. Хороший дом, даже очень хороший. Живут заслуженные люди – генералы, советские и партийные деятели, сливки творческой интеллигенции. Областного масштаба, понятно. В вестибюле вахтер, которого творческая интеллигенция зовёт консьержем.

Я кивнул Павлу Сергеевичу, забрал почту и поднялся наверх, на третий этаж. Давненько живу исключительно на даче, даже интересно, изменилось ли что в доме.

Изменилось. Это я понял с порога. Запах духов. Не сильный, но и не сказать, чтобы слабый. Не маменькиных духов, конечно. Анны.

Анна – хористка из оперного театра. Юная и талантливая. Настолько юная и настолько талантливая, что весной я было подумал, что её я же и интересую. Однако нет, она нацелилась на папеньку. Что ж, дело житейское. Кто я, а кто папенька. Но прежде Анной в нашей квартире не пахло. А теперь пахнет.

Я прошёл на кухню, заглянул в холодильник. Пусто. Только в морозилке сиротливая пачка пельменей. И горчица, свежая, ещё не открытая баночка. Второй намёк: мне здесь не рады. Сейчас-то папенька с Анной далеко, в Свердловске, на гастролях. Ну, а к его возвращению горчица должна быть съедена.

Я поставил кастрюлю на огонь и, в ожидании кипения, представил: папенька позавчера поехал ко мне, в Сосновку, и попросил Анну перед отъездом подготовить квартиру на время гастролей. Ну там в холодильнике прибраться и подобное. Вот Анна и подготовила.

Собственно, почему нет? Родители разъехались давно, что ж, папеньке теперь и не жить? Да вот хоть и с Анной? У меня-то теперь свой дом. Но могли бы и предупредить, а то ведь я зашел бы запросто, неловкость бы случилась.

А не о чем предупреждать, всё только-только налаживается.

В гостиной на столике конверт, а рядом лист бумаги. Письмо от маменьки. Папеньке. Коротенькое. Пока пельмени плавали в кипятке, я его три раза прочитал. Маменька в шутовском тоне сообщает папеньке, что на днях выходит замуж за Марцинкевича, и потому он (папенька, а не Марцинкевич), может считать себя совершенно свободным.

Обо мне ни слова.

Ну, тогда да. Тогда мизансцена понятна. Всё на месте – горчица, пельмени, открытое письмо и запах духов. Папенька явно берёт курс на режиссуру.

Странная какая-то горчица. Солёная.

В моей комнате пока без перемен. Ни загадочных знаков, ни таинственных предметов, ни запахов.

Однако проснулся я бодрым, полным сил. Пельмени тому причиной, или иное, а только к институту я подошёл с песней в душе.

У вывешенных списков толпились и поступающие, и родители. Пришлось потолкаться.

Ага, вот он я! Ну, ура, что ли. Поискал подробности. Нашел объявления, что подробности будут в понедельник, 24 июля. Выдача документов, распределение по группам и прочее. Интересно, что такое «прочее». Хотя и не очень интересно.

Оглянулся. Ни Бочаровой, ни Стельбовой не видно, а остальных я не знаю.

Получается, нужно поест и пойти в кино.

Поел я в столовой от железной дороги, очевидно хорошей, поскольку даже в субботний день она не пустовала. А теперь – кино! Я ж целый год в кино не ходил, всё учился, учился и учился.

Фильм выбрал давеча, по газете. «Корона Российской Империи». Две серии! Пока доехал до кинотеатра, пока отстоял очередь за билетами, уже и полдень. Но серии куцые, и я после кино успел зайти в кафе. Крепкий чай и пирожное – необременительно для желудка и полезно для умственной работы. Пока заряжался, думал о фильме. Эх куда занесло героев – вся великолепная четверка работает в ЧеКа! А вот Париж не глянулся. Вроде райцентра средней величины. И ресторан плохонький. Зато Ролан Быков с золотыми часами хорош. Будто Ленин в «Кремлевских курантах».

Второй тур свел меня с Ириной Крюковой, единственной дамой в турнире. И с ней я прежде играл трижды, две ничьи и проигрыш.

Включаем? Включаем. Играем? Играем.

На двадцать третьем ходу Ирина предложила ничью. Я четко сказал «нет» и двинул пешечку, выигрывая слона. На тридцатом, в виду неизбежного мата, Ирина, не подписав бланка, убежала из зала.

Незадача. Сидеть и ждать сорок минут, пока не упадет флажок, не хотелось. Судья, почтенный Николай Васильевич, только развел руками, мол, Ирина в своем праве, ей, может, стало плохо. И вообще, к девушкам следует быть снисходительнее.

Я стал кружить по залу. Визуализация шахматной мысли работала отменно. Призрачная картинка показывала: вот здесь мат в пять ходов, там – комбинация с выигрышем ферзя, третья – черным плохо, но есть возможность объявить вечный шах. Похоже, я мог бы дать сеанс всем участникам турнира.

– Обидел девушку, – сказал мне Антон.

– Это чем же?

– Она на кандидатский балл рассчитывала. С девушками бы давно кандидатом стала.

– Так пусть у девушек и побеждает.

– Да она и побеждает, только у нас перворазрядниц мало, как выполнить норму?

– И потому мужчины поддаются?

– Ну, не то, чтобы совсем поддаются, но...

– Нет уж. Мне кандидатский балл и самому пригодится.

– Тебе?

– Мне.

– Что ж, если так, – Антон с сомнением посмотрел на меня.

Флажок, наконец, упал, и я заработал полноценную единичку.

Перед игрой я был настроен уехать в Сосновку, но сейчас передумал. Фигушки. Если Анна мечтает стать хозяйкой, пусть постарается, а я капитулировать не буду. Купил в главном городском гастрономе, «Утюжке», всяческой студенческой еды – плавленых сырков, яиц куриных диетических, варёной колбасы, кабачковой икры, каш и супов в пакетиках, и пошёл в городскую квартиру. Заполнил холодильник и стал думать, кого бы пригласить в гости. Получалось – никого. Лизавета ещё весной вместе с родителями уехала в Киев навек, да и не такие у нас с ней отношения, чтобы звать в гости на ночь глядя. Вернее, не такие у нас были отношения, а сейчас никаких отношений нет. Друзья же, кого хотелось бы позвать, тоже далеко. А те, кто близко, и не друзья вовсе, а так, приятели. До первой неприятности.

И ладно.

На танцы пойти? Ага, сейчас. На пролетарские танцы ходить нужно взводом. Иначе съедят.

Включил телевизор и стал смотреть программу «Время». Британские портовики бастуют, отстаивая права трудящихся. Американская военщина нагнетает обстановку. Весь мир аплодирует советскому искусству. Спортсмены готовятся к олимпиаде. Переменная облачность, местами дождь.

На дожде я заснул. И проснулся за полночь от дождя настоящего. Закрыв окно, выключил злобно шипящий телевизор, посмотрел газеты. Уже вчерашние. Отчет о пятой партии магча. Стал смотреть – в уме, без доски. На двадцать седьмом ходу Спасский ошибся, и очень грубо ошибся. Пришлось сдать. Что ж, теперь Фишер догнал чемпиона.

Странное у меня сумасшествие, а, впрочем, с чем мне сравнивать? И вообще... Ты говоришь, что слышишь музыку? Доктор и тебя вылечит. Даст таблеток, поможет электрошоком, инсулиновыми комами, и – никакой музыки. Иди, Бетховен, в свекловоды.

Я-то не Бетховен. Я Чижик. И собираюсь стать доктором. Доктор не свекловод, но в семь раз лучше голосов в голове.

Лег спать теперь уже по-настоящему, обстоятельно, спал беспорядно, встал в пять сорок пять. В голове легкий беспорядок, но не более того.

А дальше что?

Дальше была яичница с жареной колбасой. Под шкворчание сковородки я поймал радио Челябинска. У нас раннее утро, там просто утро, время новостей, да и приём на средних волнах ещё уверенный. Новости обыкновенные: плавки и трубы, привесы и надои. В конце – новости культуры. Премьерное представление «Евгения Онегина». Высокое мастерство исполнителей.

Папеньку отдельно не упомянули.

Ну, что вы хотите, в утренних новостях-то...

В восемь ровно я был в Сосновке. Вывел из гаража велосипед и поехал на Дальнее Озеро. До полудня загорал и купался. На берегу нас было человек двадцать, все сосновские. Дальнее Озеро считалось местом тихим, почти заповедным, и потому ни транзисторов, ни магнитофонов с собой не брали, в волейбол не играли, а предпочитали преферанс, шахматы или просто подремать в тени. Или отойти в сторонку и рыбачить. Купать червячка, для верности насадив на крючок. Чтобы не утонул.

В общем, благолепие. Но благолепие скучное. И потому я быстро собрался и поехал назад, в Сосновку. Даже не от скуки – от нехорошего предчувствия. Ну что здесь может быть нехорошего? Берешь в кафе мороженое, вкусное, прохладное, а ночью бах – пищевая инфекция. Рвать и метать!

Вот и сейчас – во рту скопилась липкая слюна, хотя ничего подозрительного я не ел. И, когда приехал домой, чувствовал себя уже совершенно здоровым. Ехать в город на третий тур, или ну все эти пустяки, пока совсем не свихнулся?

Опыт должен быть продолжен. Это не внутренний голос сказал, а я. Внешним голосом.

Но электричку я отставил. Произвел гаражную рокировку – вывел «ЗИМ» на стартовую позицию, а папенькину «Волгу» поставил в тупик.

Гараж немаленький, главное – с подогревом, от АГВ и сюда проведена труба. Зимой здесь не жарко, но плюс держит в самые сильные морозы. Так для машины полезно. «ЗИМ» немолод, его дедушка купил, получив Сталинскую премию, последнюю в ряду. Потом Сталин умер. Был в те годы не то закон неписанный, не то поветрие – на Сталинскую премию покупать автомобиль. Для наглядности. Вот она, забота власти о творческой интеллигенции в материальном воплощении.

Дедушка не сразу купил «ЗИМ» – у него уже была «Победа». Деньги, они же лежат тихо, есть не просят. А в пятьдесят девятом году они, деньги то есть, начали пищать. Вот дедушка и тряхнул мощной. «Победу» отдал папеньке, а себе купил «ЗИМ». Для лауреатов квота была. И с тех пор в гараже тот «ЗИМ» и поселился. Точнее, не «ЗИМ», а ГАЗ-12, Молотов с прикнувшимся Шепиловым вдруг выпали из обоймы.

Дедушка ездил на «ЗИМе» редко, но регулярно: два раза в месяц летом, и раз в месяц зимой. В Дом Художника. Нанимал шофера, Луку Лукича, из обкомовского гаража. Тут и возраст, и нежелание забивать пустяками голову, предназначенную для искусства. До города, по городу, обратно – тридцать пять километров. За год, стало быть, километров семьсот. За

пятнадцать лет – десять тысяч. Точнее, одиннадцать триста – так на одомере. Осенью, когда дедушка приводил в порядок дела – он любил приводить в порядок дела, – то и машину отдал на профилактику лучшим обкомовским механикам. А мне сказал, чтобы я над машиной не трясся, а гонял в хвост и гриву. Он, дедушка, и сам бы гонял, будь лет на семьдесят моложе.

Он мне много чего говорил, дедушка. С кем ещё было ему говорить? Вот и оставил в наследство и дом, и автомобиль, и деньги, и всякое прочее. Папеньке, решил дед, это ни к чему, папенька уже на орбите, а тебе пригодится.

Формально папенька надо мной опекунствует, пока мне восемнадцать не стукнет. Опекунствует, но не препятствует. Да и как можно препятствовать, завещание составлено так, что до моего восемнадцатилетия сделок с движимым и недвижимым имуществом совершать вовсе нельзя никому ни за что. Ну, и кое-что дедушка передал с рук на руки. На всякий случай.

«ЗИМ» у дедушки, а теперь у меня – игрушка, правда, большая игрушка. Темно-вишневого цвета, экспортная модель, последняя серия перед снятием с производства.

Я посидел, примеряясь к пространству, и тронулся. Плавно, так, бывает, трогается поезд после стоянки. Кажется, что это вокзал отходит, а не ты.

И неспешно же двинул к городу.

На «ЗИМе» не торопятся. Кому нужно – подождёт.

Но за доску я сел вовремя. Противник на сей раз был серьезный, Михаил Сорокапут, перворазрядник с баллом, год назад разгромил меня вчистую. И, верно, тоже помня тот разгром, небрежно пожал руку и двинул ферзевую пешку.

Я же решил рискнуть. Проверить себя на слабину. Отвечал почти сразу, много – через пять, секунд. В темпе блица. Противник усмехнулся, потом опять усмехнулся, Потом задумался на сорок минут – и сдался.

– Ты ныне просто гроза фаворитов. Крюкову обыграл, теперь Сорокапута раздраконил. Восходящая звезда какая-то – сказал Антон.

– Восходящее солнце, – ответил я, но продолжать тему не стал.

– Гори-гори ясно, – с сомнением сказал мне в спину Антон.

Глава 3

5 – 6 августа 1972 года ВОСХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ

Когда я выиграл последнюю партию турнира, сомнения Антона исчезли. Одиннадцать побед в одиннадцати турах нечасто увидишь. Нет, будь это в самом деле какая-то восходящая звезда, юное дарование – куда не шло, но от меня, битого-перебитого, никто сюрпризов не ждал. Ждали результат в районе полтинника. При своих. И то в лучшем случае. Ведь я весь здесь. На виду. Обыкновенный перворазрядник.

– Ты много тренировался?

– Последний год вовсе не играл. Выпускной класс, экзамены, не до шахмат.

– Значит, перерыв в занятиях пошёл тебе на пользу, – сказал Антон.

– Значит, пошёл.

– Посмотрим, как сыграешь следующий турнир.

– Следующий?

– Ну, ты же хочешь проверить, насколько вырос твой шахматный потенциал?

– А что проверять? Ну, вырос, так вырос. Расцвёл. А потом назад завянет.

– Нет, так нельзя. Таланты в землю безнаказанно не закапывают. Может, ты теперь кандидат в мастера или даже мастер!

– Даже и так, что с того?

– Интересно же! Я посмотрю партии, сыгранные тобой, повнимательнее. Может, найду подсказку.

– Мне учиться нужно. Анатомия, химия, латинский язык, история партии.

– Одно другому не помеха. Если бы учеба была важна, послали бы вас, первокурсников, на полтора месяца в колхоз?

– На полтора?

– Или около того. Приходится: засуха, каждый колосок на счету.

– И что с того? Я-то буду в поле, колоски собирать или свёклу дергать, а не за доской.

– В сентябре все будут в поле, турниры отменяются. Но потом... Я с тобой свяжусь, как определимся. Ты сейчас где живешь, в городе, в Сосновке?

– Где придётся. Приедет папенька с гастролей, определимся.

– Ничего, перезвоню. Две копейки не расход. Да и ты заходи. Все-таки перворазрядник с кандидатским баллом – это почти фигура.

Я и сам заметил: обращаться со мной стали почтительнее. Как с собачкой, от которой не знаешь чего ждать: как да и укусит? А шугнуть нельзя, собака неизвестно чья, вдруг и хозяйская.

Я посмотрел на таблицу, вздохнул: если кого результат и радовал, то лишь Антона. Жил, жил гадкий утенок и надо же – крякнул во все утячье горло.

Один раз не считается.

Вышел из клуба. Подошел к «ЗИМу». Шахматисты, курящие у входа, смотрели на мальчика-мажора. Ну, смотрите, смотрите.

Открыл дверь, сел. Прогрел мотор. И тронулся.

Часы показывали, что всё время – моё.

Потому я неспешно, показным ходом, двинулся к Дому Кино. Сегодня там предпремьерный показ «Ромео и Джульетты». Собственно, фильму четыре года, и его уже показывали тогда, в шестьдесят восьмом, для узкого круга партийной, творческой и прочей интеллигенции, и даже я видел. Мне не понравилось. Драк мало, больше про любовь. И потому сегодня я отго-

ворился – мол, решающий тур, пан или пропал, а в кино мы ещё ходим. Звала Ольга, но, если честно, звала без огонька. То ли папенька ей билеты дал, то ли в райкоме комсомола, так не пропадать же. А я, что я, чижик. Птица мелкого полета. Пошла с Бочаровой, взяв с меня слово, что заеду за ними и развезу. А то поздно, девушкам страшно.

И в самом деле темнело. У Дома Кино две дюжины авто, все больше «Жигули» и «Москвичи». «Волг» мало, разве такси. Ну, и я на «ЗИМе» как вишенка на торте. Сижу, мурлыкаю «What Is a Youth». Уверен, сегодня все будут напевать песню в меру сил и способностей. Ну, и если слова запомнят. Ольга с Надеждой-то запомнят, вернее, знают давным-давно. Будет повод для девичьего дуэта.

Деликатный стук по кабине.

– Сержант Сидорчук. Попрошу документы.

Я протянул права.

– Кого-то ожидаем, или так?

– Соседку по даче. Отец попросил.

– Отец?

– Соседкин, не мой. Товарищ Стельбов, наш первый секретарь.

– Приятного вечера, – откозырял сержант, возвращая документы. А что, может, действительно приказали приглядеть за Ольгой, и меня назвали, вернее, «ЗИМ». Мало ли. Служебную «Волгу» выделять нескромно, а вот так, по-соседски, никто слова не скажет.

Через пять минут фильм закончился, люди потянулись. Кто к авто, кто на остановку троллейбуса, кто пешком. Молодежь, из тех, кому достаются билеты в райкоме комсомола.

– Давно ждешь?

– Третью сонату, – ответил я и, играя этюд до конца, распахнул заднюю дверцу. – Усаживайтесь поудобнее, сударыни.

Ольга скользнула легко, а Надежда немного неловко. Непривычно ей в «ЗИМах» ездить. Заднее сидение там шикарное, особенно когда дополнительные места демонтированы. А они демонтированы, дедушка давно их снял.

– Куда ехать изволим?

– Ты не спешишь? – спросила Ольга.

– До следующей пятницы я совершенно свободен, – ответил я по-пяточковски.

– Тогда давай на дамбу. Посмотрим на море.

Морем у нас зовется водохранилище, действительно, немалое. До дамбы двадцать километров, но по ночному времени – пятнадцать минут неспешной езды. И да, как и ожидал, девушки стали петь, сначала робко, а потом громче и громче. Почему нет? Мелодия простая, полторы октавы обе тянут, ну, а повыше...

– Ты бы помог девушкам, – сказала Ольга.

– Ваш дуэт мне только портить, – ответил я, но помог, чуть-чуть. Не стал сверкать и грохотать. Второй, третий раз вышло и совсем неплохо – для самодеятельности.

Постояли на дамбе. Зона охраняемая, но нас пустили. Узнали Ольгу, верно. Или им заранее позвонили.

– Ну, над водой, а капелла – подначила Ольга.

Чуден Днепр при ясной погоде, а мы втроем втройне чудней.

Назад ехали молча. Лучше-то не получится. Вряд ли. Высадили Надежду, её уже ждал брат у подъезда.

Поехали домой, в Сосновку.

– Я думала, ты соловьем разливаться станешь, – сказала Ольга.

– С чего бы?

– Неужели не хочется произвести внимание на девушек?

– Положим, хочется. Но перепевать песни из кинофильмов по заявкам радиослушателей – не моё. Уж если петь, так то, что на душу ляжет.

– Хорошо. Тогда представь, что ты разведчик на задании. И должен произвести впечатление.

– На задании я, во-первых, должен довести тебя домой в цельности и сохранности. Во-вторых, петь за рулем удобно только в кино, а мне позицию Лапозо подавай. И в третьих, дома ждет прекрасно настроенный «Блютнер», можем хоть до утра песни распевать, если твои не против.

– Позиция Лапозо – это то, что я думаю?

– Позиция Лапозо – певческая. Вариант высокой. Чтобы всё в человеке было прекрасно: и диафрагма, и связки, и резонаторы, и остальное. Тогда голос звучит вольно, как днесь над морем.

– И много таких позиций?

– Достаточно, чтобы найти по себе.

– А за рулём петь, значит, никак?

– За рулём поют в кино. С переозвучкой в студии.

На счастье, мы приехали. Ольга поблагодарила, и пошла к себе, напоследок подарив загадочный взор: мол, прозевал я свое счастье.

Счастье, может, и прозевал, но зато нашел у порога в ящике две телеграммы. Одна от папеньки: «Поздравь! Владлен, Анна Соколовы-Бельские». Вторая от маменьки «Поздравь! Мария Соколова-Бельская, Леонид Марцинкевич».

Ага. Понятно. Артистические свадьбы. Прямо на гастролях. В один день, ну, совершенно случайно совпало. Вот так я обрёл и мачеху, и отчима. Или не обрёл? Усыновление дееспособного совершеннолетнего без желания последнего не практикуется. А желания нет. Не Дантес, чай. Да и баронов поблизости не наблюдается. Нет, я ещё не совершеннолетний, но почти. И одного опекуна, папеньки, вполне достаточно. А если что – маменька подключит подругу Галю. Будет интересно. Дедушка предупреждал и дал кое-какие инструкции. Ну, мне до совершеннолетия всего ничего. Наступит осень золотая, и младость детская уйдет.

В голове – почти забытый гул. Заварил и выпил травяного чаю, по бабушкиному рецепту, постоял десять минут под холодным душем.

Потом открыл окно и стал слушать тишину. Давненько так хорошо её не слышал. Листы летели со стола на пол, хорошо, нумерованные. К восходу Луны – а взошла она ближе к утру, – дело было сделано. Я собрал листы, аккуратно сложил по номерам и лёг, наконец, спать.

Усталый, но довольный.

Спал, впрочем, вполглаза, и, едва стало прилично, включил радио и под воскресную передачу «С добрым утром» проделал комплекс упражнений сразу за три дня. Надо бы заняться физкультурой, что ли. А то певческое брюшко отращу не ко времени.

Подошел к «Блютнеру» и начал играть. Утром слышно иначе чем ночью, тем более, в голове, но в целом вышло даже лучше, чем представлял. Румынская тема веселенькая такая. Тема Ветцеля – инопланетная. И, конечно, главная тема – величие, торжественность, несокрушимость.

Не буду я ничего править. Хронометраж – полтора часа. То, что сегодня и нужно.

Теперь что?

Теперь нужно искать поэта.

А чего искать-то? Ольга и будет поэтом. Она уже в «Подъёме» публиковалась, и в сборнике «Молодые поэты Черноземья». Дело за простым – уговорить Андрея Николаевича, первого секретаря нашего обкома, члена ЦК КПСС и прочая и прочая и прочая.

На это Ольга есть.

Я ей и позвонил.

- Ты куда не уехала?
- В половину десятого?
- Тогда заходи поскорее, дело есть.
- Ну какое такое дело?
- Поэтическое, приходи.

И повесил трубку.

Клюнет.

И в самом деле клюнула.

Сразу, не сразу, но через полчаса пришла.

- Ну, Чижик, песенку сочинил?
- Угадала. Только не просто песенку, а целую оперу.
- И теперь тебе нужны слова.
- Не слова, поэзия.
- А сам что не сочинишь?
- Не умею. А ты умеешь.
- Думаешь?

– Знаю. В общем, так: опера о десанте Великой Отечественной. На Малую Землю. Война, кровь, любовь. Молодой лейтенант, юная медсестра, друзья, враги, бури, ураганы, и храбрый полковник-политрук, как гарант наших побед.

Вот одна из тем: – и я сыграл рэгтайм.

– Это что, политрук? Брежнев?

– Это тема союзников. Из-за океана советы дают, как воевать.

А вот гитлеровцы – и я выдал взвешанный ужас. – А это румыны, вначале бодренькие, а под конец разбитые, улепетывающие – проиграл сырбу.

– А гитлеровцы природные, немцы которые – не разбитые?

– Природные гитлеровцы – это вселенское зло. Его можно придавить, но порох следует держать сухим.

Так, потихоньку, я и показал оперу первому зрителю. Пел ля-ля-ля, играл в меру способностей, не на «Блютнере», а лицом, артистически, но более всего рассказывал историю первой любви музыкальными средствами. Не свою, ни боже ж мой, кому моя интересна. Просто – история первой любви.

Ольга молчала минут пять. Или шесть.

– И я должна написать...

– Не должна, а напишешь. Сроку неделя.

– Неделя... Но я не смогу.

– Ещё как сможешь. Неделю я с запасом назвал, с учетом непредвиденных помех. А напишешь быстрее. Просто бери карандаш в руки и пиши, что услышишь.

– Что услышу?

– Ну да. С поэтами так и бывает. Вот тебе ноты, это специально твои, смотри, слушай и пиши.

– А я это... С нотами не дружна, – пожалуй, впервые я видел Ольгу растерянной.

– Ничего. Магнитофон дома есть? Конечно, есть. Какой?

– Катушечный, «Акай». И кассетный, «Панасоник».

– Панасоника у меня нет, сойдемся на «Воронеже». Звук будет тот ещё, у меня ж не студия, но мелодию услышишь – и я сыграл восемь основных тем. Проверил запись. Сносно. – Вот. Работай.

– А...

– Мы пишем оперу. Практически, написали. Музыка хорошая, стихи волшебные. В будущем году – тридцатилетие десанта на Малую землю. Некоторые уже мастерятся, но у нас вый-

дет лучше. Собственно, уже вышло. Нашу оперу непременно поставят, театру такие нужны. Государственную премию, может, и не получим, хотя неплохо бы, а Ленинского комсомола – осилим. Ну, а дальше, если повезёт – а я думаю, повезёт, – оперу поставят во всех театрах страны. Оно и слава, и большие деньги заработаем.

– Деньги?

– А как же! Музыкальное – моё, поэтическое – твоё. Мерседес купишь, а сочтут нескромным – Волгу в импортном исполнении. Заработала же. Это ладно, насчет договора и денег с отцом посоветуйся, у него юристы. Я ведь не денег одних ради писал.

– А ради чего?

Тут замолчал я.

– Не знаю, – признался через минуту. – Накопилось, и вот – я показал на стопку нотной бумаги.

– Но вдруг у меня не получится...

– Уж поверь – получится. Ты, главное, не старайся писать гениально, пиши, как на душу ляжет. Если что – поправить всегда сможешь. И прости за совет: побольше рифм с открытой гласной, а шипящих хоть бы и вовсе не было, оперные певцы этого не любят.

– Но...

– Всё, иди, стихи наружу рвутся. Вечером возвращайся, попоём, чайку попьём – я дал Ольге кассету, чистый блокнот и автоматический карандаш.

Она шла по двору, сначала в раздумье, а потом – как спортсменка в прыжковом секторе, примериваясь к планке.

А я сел на велосипед и поехал на Дальнее Озеро. Солнечной энергией питаться.

Вышло, правда, не очень. Озеро было на месте, солнце тоже, а вот народу немного. То есть почти совсем никого. Трое мужиков неспешно устанавливали доску «Купаться строго воспрещено». Я спросил у того, кто помоложе, в чём причина. Причина в том, ответил мужик, что в озере нашли двух пацанов. Не из городских, не дачники, и не местные тож. Лет семи. Вот народ и сторонится.

– Когда нашли-то?

– Вчера вечером. Ты-то сам дачник, что ли?

– Дачник, – согласился я. – Ну, почти. В Сосновке живу. В институте учусь. Буду, то есть.

– То-то морда знакомая. Ты это, осторожно. Народ подозрительный. Прилететь может.

– Спасибо, учту. А милиция что?

– А что милиция? – мужичок посмотрел на озеро. Следов милиции на воде не было. – Вот запрещение велели повесить. Чтобы, значит, прочитали и не тонули. Да только ведь панцанов потом притопили, а сначала... – он сплюнул, и стал прибивать ненужный гвоздь, видом показывая, что и без меня ему тошно.

Ну, я понятливый.

Поехал назад.

Вот, значит, как.

И вспомнилось, что не так давно мне на этом озере было неблагостно. Предчувствие? Послечувствие? Просто смятенная душа всяко лыко в строку ставит?

В общем, загорал я на даче. В тени. Перемежая лежание на боках легкими упражнениями на развитие мышц. В специально огороженном месте. Что я, совсем того – показывать немощные упражнения всем желающим? Нет, я не то, чтобы совсем глиста, но мускулатурой не потрясаю. А хочется потрясти? Нашёл маленькие, килограммовые гантельки. Начинать следует с доступного. А книгу упражнений Мюллера помнил наизусть. Вообще наизусть я помнил изрядно. Даже «Евгения Онегина». Одно слово – ботан. Хотя... Хотя как раз «ботан», похоже, не то слово. Не ко двору. Зубрила, пожалуй, будет ближе. И, как высшая стадия – зубрила-очкарик. Но я точно не очкарик. А насчет зубрили жизнь покажет. Ничего плохого

тратить время на учение не вижу. Сотни часов за «Блютнером», сотни часов семейных уроков пения, композиции, драматургии даже – разве плохо?

Сотни часов прокачки опорно-двигательной системы? Начну с получаса в день. Общефизической подготовки. А там видно будет. Учеба, да ещё в медицинском, говорят, требует двадцать пять часов в сутки. Пугают. Смотрел я на студентов. А более на студенток. Разные. Совсем уж изможденных не видел. А остальное решается вкусной и здоровой пищей. Хотя, конечно, если денег мало или вовсе нет... Ведь поступают же дети колхозников, и ещё какие дети! Встречал в Артеке. Картошку чистить не умеют, а туда же – мы, дети колхозников, право имеем!

Картошку я чистить не стал, а привёл в порядок написанное ночью. И переписал в особую нотную тетрадь, подаренную мне маменькой на пятнадцатилетие. Всякая маменька, верно, думает, что сын у неё Моцарт, Пушкин и Шишкин в одном лице. И да, в шестом классе я написал симфонию «Третья космическая». Третья – это не счет симфониям, это скорость. Написал, а потом полгода работал над оркестровкой. Учил меня этому Симон Фляк, мамин тайный вздыхатель. Но в дело симфония не пошла – слишком уж новаторская, народ ещё не готов к такой музыке.

Вот тебе, народ, другая музыка.

Переписка заняла немало времени: я старался, во-первых, и выверял звучание, во-вторых. Иной раз в голове звучит, а рояль говорит – не то. А иной раз и наоборот. Блютнеру я привык доверять. Меньше, чем голове, но привык. А с учетом экзаменационного синдрома (так я решил назвать случившееся, и научно, и туманно), проверка не помешает.

Не помешала. Не изменил ни одной ноты.

Теперь можно и партитуру писать. Милое дело: скрипки, тромбоны, ударные – и всё это богатство в голове.

Ольга пришла не одна. С отцом, Андреем Николаевичем.

– А у меня как раз самовар вскипел, – сказал я. – Торт, правда, вафельный, но зато шоколадный.

– Торт не убежит, – сказал Андрей Николаевич. – Ты мне вот что скажи, Миша.

И замолчал. Ждал, что начну потаённые мысли выкладывать. А я принес в гостиную самовар, тульский, электрический, затем заварочный чайник и три чашки на подносе, и уже третим заходом обещанный торт, «Классика», со скрипкой.

– Какой чай любите? – спросил я.

– А у тебя что, разные?

– Черный, зеленый, и желтый.

– Что за желтый?

Я достал пачку «Липтона» в пакетике, папёнке в пайке дали. В честь победы над Германией.

– Сказал бы я, на что он похож, твой желтый чай, да не при дочке.

Ольга же изображала переводчицу с китайского. Поскольку китайского никто из присутствующих не знал, она притворялась статуей. Согласно китайского протокола.

– Не нравится желтый, пьем грузинский, – ответил я. Заварил чайничек (без особого старания, грузинский как ни заваривай, будет одинаково).

Разрезал и торт, разложил на блюдечки. Как, интересно, полагается брать вафельный торт? Руками?

– Значит, ты решил оперу написать? – сказал первый секретарь обкома.

– Почему решил? Уже написал.

– Вот так взял – и написал?

– Это бывает. Хоккеист взял да и забил три шайбы за период. А что долго и упорно тренировался, что работала вся команда, как бы и не в счёт.

- И зачем тебе Ольга?
- Других поэтов я не знаю. Но уверен, что у Ольги получится. Зачем искать хитрости, когда всё на поверхности?
- И то, что папа у Оли может протолкнуть на сцену твою оперу, значения не имеет?
- Всегда приятно иметь «Аврору» в запасе, но главное в другом. Я считаю, что опера хороша, это первое. Я считаю, что она ко времени, в будущем году – тридцатилетие десанта на Малую Землю, это второе. Ну, и, наконец, лучше написать оперу, чем не написать, это третье. Было и четвертое, и пятое, и шестое, но я решил остановиться.
- Умному достаточно, а дураком Андрей Николаевич точно не был.
- Ладно, работайте, а я пойду телевизор смотреть, – это он, верно, шутит.
- К чаю он, кстати, не прикоснулся. Может, не положено.
- Чаепитие, похоже, не состоялось. Видно, торт не той системы. К счастью, вафельные торты не портятся. Не успевают.
- Моя шутка – да шутка ли? – Ольгу не развеселила.
- Ладно, давай работать. Показывай.
- Она показала. Не так много, как я ждал, но и немало. Видно, старалась.
- Попробуем, попробуем.
- Я подсел к «Блютнеру». Ну да, ария молодого лейтенанта. Без шипящих, открытые гласные.
- Пару раз спел мысленно. Даже три раза. Ольга смотрела, не решаясь не сказать – вздохнуть. Волнение первой попытки.
- Я, не став мучить дальше, сказал:
- Очень хорошо.
- Но ты же не пел!
- Пел. Но могу и повторить.
- Я повторил вполголоса, камерно. Не хватает ещё наводить на девушек чары.
- Со сцены Оперного, конечно, будет лучше. Профессиональный певец, акустика, оркестр, зрители, опять же буфет...
- Ты смеешься...
- Нет, отнюдь. То, что мы сейчас делаем – творчество. А постановка оперы в театре – это производство. Будут задействованы сотни людей – солисты, хор, балетная группа, оркестранты, гардеробщики, буфетчики, рабочие сцены, просто рабочие, столяры, плотники, осветители, кочегары, художники, швейный цех, бухгалтерия и так далее и так далее. Театр – огромная фабрика.
- А мы будет скромно стоять в сторонке и говорить «нет».
- Почему «нет»?
- Потому что всем захочется срезать угол, сделать попроще. Певцу – чтобы легче пелось, костюмеру – что бы в ход пошла залежалая материя, декоратору – экономить на всём... И да, очень может быть, что тебе начнут навязывать соавтора, какую-нибудь знаменитость, Евтушенко или Вознесенского. Говори нет. Девушек ведь учат говорить «нет», не так ли.
- Евтушенко же великий поэт!
- Не спорю. Но нюх на хорошие деньги у великих поэтов отменный. Я не имею в виду конкретно Евтушенко, но имя поэтам при столике легион. Говори нет, и всё. В самом крайнем случае, отвечай, что должна посоветоваться с папой.
- А с тобой?
- Я, как-никак, автор. И хотя у нас автором любят подрезать крылышки, тут у них не получится. Но первый секретарь обкома по сравнению с автором – Крейсер Аврора по сравнению с парусником.
- Отец вступится?

– За тебя – ещё как. Ну, я так думаю. Если ты не начнёшь восхищаться – ах, Евтушенко, ах, Вознесенский!

– А что, нельзя восхищаться?

– Восхищаться можно, но подражать не стоит. И уж тем более не стоит отдавать своё. У тебя получается, и ты не простишь себе, если отдашь мечту всяким поэтам при буфете, которые сочинят что-нибудь тоскливо-протяжное «Малая Земля, Великая Земля» или вроде того.

– Не отдам.

– Тогда на сегодня всё.

– Но у меня ещё есть...

– Вижу, что есть. Но мне со словами нужно сжиться, словно они, слова, от Бога. А это так просто не делается. Ночью подумаю, утром попробую, вечером покажу. А ты не расслабляйся, пиши.

Мы всё-таки распробовали торт, а потом я проводил Ольгу.

– Чего провожать? Тут минуту идти!

– Мало ли. Слышала, что на Тихом Озере случилось?

– Побольше твоего слышала. Сосновке дополнительные наряды милиции выделены, теперь это самое безопасное место в области.

– Тем лучше. Могу я пройтись с девушкой по самому безопасному месту? Пятьдесят четыре шага в одну сторону?

– Ты считал?

– На глазок. А сейчас и проверю.

И я проверил. И так восемь дней. Не простое это дело – оперы сочинять. Не мало пролилось пота, случались и слёзы.

И всё-таки мы это сделали.

Глава 4

26 августа 1972 года

АВТОНОМНОЕ ПЛАВАНИЕ

– Ключа нет на прежнем месте, ты, Миша, его не брал? – спросил папенька.

– От сейфа или от гаража? От гаража – на крючке за входной дверью. Я его туда приспособил, удобнее.

– От сейфа, конечно.

– От сейфа я перепрыгал. Так, на всякий случай. Дедушка прежде посоветовал – всё поменять.

– И где же он теперь, ключ от сейфа?

– Сейчас дам, – я открыл дедушкин – теперь мой – этюдник и из отделения с перемазанными тряпочками (верно, после чистки кистей) достал ключ от домашнего сейфа, большой и солидный.

Папенька ключ не взял.

– Открой, пожалуйста, сейф, я хотел бы кое-что посмотреть, – сказал он.

– Легко.

Сейф стоял в кабинете, в хитром книжном шкафу. Книжные полки проворачивались, открывая капитальную стену, в которую был вмонтирован солидный немецкий несгораемый шкаф, в просторечии сейф.

Замок и в самом деле открылся легко: дедушка смазывал его лучшим машинным маслом: капнуть одну каплю, и довольно. Два раза в год, восьмого марта и первого сентября. Теперь это моя забота.

В сейфе лежали две кожаные, но потертые папки, с дедушкиными и бабушкиными документами, ещё шесть папок договоров на важные заказы (договоры на заказы попроще занимали явную полку книжного шкафа), ящичек с дедушкиными и бабушкиными наградами, коробочка с прадедушкиными карманными золотыми часами «Мозер» на золотой же цепочке. Ещё старая, восемнадцатого века, библия.

В отдельной, уже предназначенной мне папке, новенькой, пахнущей кожей, сберегательные книжки и три конверта с наличностью. В первом, красном конверте – на содержание дома и «ЗИМа», во втором, обычном почтовом, что по девять копеек пара, на жизнь до дня рождения, и в третьем, приятного сиреневого цвета – «на «студенческую экипировку» – так было выведено дедушкой на конверте.

Но всё это папеньку не интересовало.

– А где...

– Где украшения?

– Ну... Да, наши семейные.

– В укромном месте. Дедушка сказал, что глупо держать их в сейфе, который опытному медвежатнику – как баночка монпасье гимназистке. Лакомство. А зачем тебе украшения?

– Да знаешь, свадебные подарки принято дарить молодой жене...

– Ага, ага. Я тоже так подумал, открыл ящичек, хотел маменьке к новой свадьбе подарок сделать. А в ящичке письмо дедушки, в котором он говорит, что, захоти он что-нибудь маменьке подарить, он и подарил бы. А раз нет, то, значит, и не нужно.

– Тут он, пожалуй, прав...

– Но то же самое он написал и о тебе. Мол, если он оставил наследство мне, а не тебе, на то есть причины.

– Значит, если я буду умирать с голода, то...

– Нет, папенька, не передергивай. Вон, видишь деньги? Бери, сколько надо, если умираешь с голоду.

– Но...

– Если тебе будет легче, скажу, что дедушка взял с меня слово до тридцати лет к ним вообще не прикасаться. К украшениям. Только в случае войны.

– Войны?

– Ну да. Мировой или гражданской.

– Дедушка был старенький, и немножко чудил. Какая война, тем более гражданская?

– Тем лучше. Украшения не молоко, не прокиснут. Но я приготовил свой подарок. Тебе и твоей новой жене. И маменьке тож.

– Да? – папенька словно лимон жевал. – Кантату сочинил?

– Оперу.

– Эк тебя разобрало, – совсем разочарованно сказал папенька. – Поди, месяц трудился?

– Почти, – согласился я. – Маменьке понравилось.

– Ты и маменьке послал уже?

– Ну да.

– И что говорит мама?

– Что театр будет ставить.

– Какой?

– Большой, естественно.

– Это она так решила?

– Она. И тётя Галя.

– Вот как? Галина Леонидовна?

– Галина Леонидовна.

– Она и в операх разбирается?

– Маменька и ещё несколько артистов устроили маленькое представление. Тёте Гале очень понравилось. И другим. Решили, что поставят к декабрю. Край – к февралю.

– О чем опера-то?

– О наших солдатах, десанниках. И о врагах, как без них. На Малой Земле. Наши – это Политрук, Лейтенант, Медсестра, гитлеровцы – Генерал и особый злодей Снайпер Смерть. Есть ещё румынская кафешантанная певичка, она же наша разведчица. Ну, и второстепенные роли, и третьестепенные, массовка опять же...

– И что делает Политрук?

– Руководит и вдохновляет. А когда лейтенанта убили, берёт винтовку и идет за Снайпером Смерть.

– Вот так на сцене?

– Зачем на сцене? Просто, возвращаясь, вешает винтовку на стену, и всем всё становится ясно. Если герой вешает на стену ружьё, значит, злодей повержен, так, кажется, записано в Правилах Сцены.

– И ты все это сам сочинил?

– Нет, конечно. Моё – это музыка. А либретто писала Ольга.

– Какая такая Ольга?

– Известно, какая. Стельбова.

– Представляю себе!

– А ты не представляй. Вот опера, играй, пой, слушай. Мне кажется, стихи отличные.

– А музыка?

– Вот ты и оцени. С Аней. Пардон, с Анной Петровной

– И что по поводу ваших трудов говорит Андрей Николаевич?

– Ты и спросишь. Споешь малым составом, покажешь товар лицом, и спросишь, – и я дал папеньке портфель с партитурой. Оперы в папках давать – плохая примета. В портфелях оно лучше выходит.

Уехал папенька на «Волге» сам. Я больше не живу ни на два дома, ни на две машины. Анна, уверен, с большим удовольствием сядет за руль. Только возить будет себя. Впрочем, не моё дело.

Главное – украшения я отстоял. Украшений этих у бабушки с бабушкой было немного, но самого лучшего качества. Частью от прадедушки, а частью куплено после войны у возвратившихся из Германии победителей. Сегодня, по мнению бабушки, они тянут на огромные деньги. Деньжищи! Золотом, конечно. А так как золотых рублей давно нет и не предвидится, то продавать их грех. Пусть полежат, пока рубль снова не станет золотым. Бумажных рублей мне хватает. Если считать вѣдливо, до копеечки, как бабушка, то за месяц у меня ушло шестьдесят четыре рубля, включая полный бак «ЗИМа». Помогло то, что и кладовки в доме не пустые, и одежда есть, и ремонт бабушка дал дому в позапрошлом году основательный, но и без того, похоже, мотовство – не мой порок. Вряд ли. Однако отдавать Ане бабушкино колечко с бриллиантом в шесть карат неразумно. Аня ведь колечком не ограничится, будет требовать всю шкатулку. Вот тут-то медвежатники и придут. Или ещё кто пострашнее. А так если что-то и пообещал юной жене папенька, так это от восторга чувств привравши. Люди искусства, они такие. Ничего. Купит в «Рубине» сообразно средствам.

Позвонила Ольга. Мы с ней и с Бочаровой в одной группе оказались. В первой. Причуды деканата, сказала она. В первую группу собрали тех, у кого самый высокий балл. Посмотреть, что получится.

В пятницу с утра в колхоз едем. На уборку сахарной свеклы. Даешь стране чернозёмский урожай! Сахар люди любят.

– Ты только не вздумай на «ЗИМе» туда ехать. Тридцать км электричкой и пятнадцать на грузовиках по грунтовке, а грунтовка там только в сушь грунтовка, а дождь пойдет – ловушка для фашиста.

– Мы не фашисты, но за предупреждение спасибо. Как колхоз хоть называется?

– «Путь коммунизма», а конкретная деревня «Кротовые дворики». И я не шучу.

– Кротовые, так кротовые. Разберемся.

– Бочарова в больницу слегла. Бронхит какой-то нашли у неё. Бывает – вот прямо перед колхозом.

– Бывает, – согласился я.

– А как там с нашей оперой? – перешла Ольга к главному.

– Думаю, всё будет хорошо. Стучу по дереву, но думаю.

– Я тоже стучу, – ответила Ольга и разъединилась.

Про Москву и Галю (так Галина Леонидовна велела её называть в нашу первую и единственную встречу два года назад) я говорить не стал. Ещё подумает, что знакомствами козыряю. У Ольги таких знакомств, может, три чемодана, да мне-то что?

Пойду, соберу вещмешок. Нас же не просто на врачей учат, нас учат на советских врачей. Нам, советским врачам, нужно привыкать что скальпелем, что веником, что вилами с лопатами орудовать.

Тем, кто ещё не привык, конечно

Глава 5

1 – 2 сентября 1972 года

ЦЕНА ПОСЛУШАНИЯ

Вышло так, да не так. Во-первых, разместили нас, шесть десятков первокурсников Черноземского медицинского института имени Николая Ниловича Бурденко (отныне и до кончины мы должны писать полностью имя и отчество великого хирурга, стоявшего у истоков нашей альмы матер) не в самих Кротовых двориках, а в военном лагере в версте от них (раз уж я в деревне, пусть будут вёрсты). Всё лето колхозу помогали военнослужащие энской, как принято писать, части, а сейчас передислоцировались, оставив нашему институту немного («трошки», как сказал бригадир) имущества под полную нашу ответственность. Палатки барачного типа, полевую кухню и кое-какие мелочи. Каждая мелочь, однако, была занесена в амбарную книгу, выписку из которой вручили под роспись в присутствии двух свидетелей начальнику нашего предприятия, ассистенту кафедры пропедевтики внутренних болезней товарищу Землищину Константину Петровичу. Константин Петрович в восторг не пришел, но поделаться ничего не мог: своих барачных, кухонь и мелочей у нас не было, а что армия своё добро бережёт, чего ж удивительного.

Второе – убирать мы будем не сахарную свеклу, а картофель обыкновенный. Потому что за свеклу платят лучше, и колхозники уберут её сами. А за картофель платят хуже, потому его, картофель, всегда оставляют студентам. Не переживайте, сказал нам бригадир Пахомов, местный малый начальник, которому вверили первый поток первого курса Черноземского медицинского института имени Николая Ниловича Бурденко. Какая вам разница, вы всё равно ни копейки не получите, ещё и должны останетесь, но долг вам простят. И с картошкой вы точно будете сыты, а вот сахарная свекла на большого любителя.

Кроватей и даже раскладушек не предусматривалось. Нары, и радуйтесь. Нары, то есть, приспособление для сна в виде настила из досок на некотором возвышении от пола (сантиметров тридцать) голые. Матрасами, тем более, бельём не обеспечивались.

– Зачем вам матрасы? – удивлялся бригадир. – Вы же комсомольцы! Вы за день так работаете, что на гвоздях спать сможете, а тут смотрите – доски, да ещё струганные. Ну, если неженки, могу старых мешков дать, для мягкости. Только они малость грязные, но если отстирать...

Посмотрели на мешки. Чтобы отстирать, река нужна, а не колодец. И пуд хозяйственного мыла. Или три.

– Эти мешки мы у вас не возьмем, – сказал ассистент.

– Ну, как хотите, была бы честь предложена, – ответил бригадир.

Электричество? Ну, откуда в поле электричество? У армии дизель был, но кто оставит студентам дизель, у студентов, поди, и дизелистов-то нет.

Нам предложили по солнцу вставать и по солнцу ложиться. Керосиновые лампы – ни-ни, пожар наделаете, эти палатки как порох, да и сами погорите. Ну, отдохайте. Завтра получите ведра, лопаты – и в бой. Комбайн? Картофелеуборочный? Вы и есть этот комбайн. Других не видели. Нет, трактор плугом подпашет, будет куда легче, чем просто лопатой.

И бригадир с ассистентом отошли в сторонку, пошептать о своем, начальственном.

В общем, обстановка была партизанская или около того. Вода из колодца, сортиры, слава советской армии, почти чистые, а дамский, построенный на скорую руку, совсем чистый. Полевая кухня в рабочем состоянии, жаль, дров крот наплакал. Но можно сходить за валежником, лес в трёх верстах.

Правда, у партизан, как показывают в кино, была радиостанция, а у нас всей связи – телефон в правлении колхоза на центральной усадьбе, что в пяти верстах, но телефон этот не для студентов, а для нашего руководителя, ассистента Землицина. То есть ему звонить разрешат, остальным – нет.

Пошли расселяться, пока солнце не село. У многих были электрические фонарики, да вот хоть и у меня, но батареек новых в Кротовых двориках не найти.

– Девки водят хороводы, а я сижу в кресле на террасе собственной усадьбы, пью молоко и читаю Канта, – сказал сокурсник.

– Из дворян? – спросил я.

– До семнадцатого – барон Шифферс, теперь просто Яша Шифферс, Но в бою, труде и на отдыхе предпочитаю коротко – барон.

Я представился.

– Со школы?

– Со школы.

– Молодец, брат Чижик. Ничего, что я сразу на «ты»? Мы на одном потоке. Однокурсники. Ну, а на брудершафт ещё выпьем. Не здесь, так в городе.

– А можно и здесь, – вмешался третий, Николай Васин. – У меня с собой есть.

– Поди, самогон? – сказал барон.

– Домашний!

– И тебе его домашние вот так дали?

– Ну, не дали, – смутился Васин, – сам сообразил. Вдруг простуда какая, или травма? В войну исключительно самогоном лечились, дед фельдшер, рассказывал. Лекарств-то в деревне никаких.

– Вот на случай простуды и прибереги. Во-первых, за нами следят, и чуть что – отчислят. У них план – за колхоз двух человек с курса отчислить, это точно. Строгость – мать порядка. Во-вторых, мы ж теперь студенты, братство, передовая часть передового общества, нам на нарах пить не с руки. В-третьих, с нами дамы.

– Где?

– Везде. В данном случае, в сорока шагах к юго-западу. А у нас даже крымской шипучки нет.

– Какой шипучки?

– Советского шампанского, Абрау-Дюрсо.

– А ты что, французское только пьешь?

– Я, брат, никакого не пью. Нас у матери четверо, отец ещё в шестьдесят пятом умер. Каждую копейку считаем, и говорю не для красоты слова – каждую. Так что не до шампанского. Вот вернемся в город, устроюсь на «Скорую»...

– Кем устроишься? – спрашивал дотошный Васин.

– Водителем. Я в армии не груши околачивал, могу с закрытыми глазами что «газик» прооперировать, что «волгу». Разобрать, что нужно – поменять, и собрать снова, но уже лучше прежнего будет.

– А ну покажи ладони! – сказал Васин.

Барон показал.

– Годятся, – он поставил рядом свои. – Чувствуется брат-пролетарий, – и он посмотрел на меня.

– Я не рабочий, отнюдь. И не крестьянин. Хотел бы стать рабочим – пошёл бы на завод. Крестьянином – в совхоз какой-нибудь, их много, совхозов-то. А раз поступил в мединститут, значит, буду пролетарием умственного труда. Интеллигенцией то есть.

– Интеллигенция – не пролетарий. Пролетарии у нас гегемон, а интеллигенция – просто прокладка, – Васину, видно, хотелось поговорить. Может, просто, а может, со значением.

– Прокладка между прошлым и будущим, – согласился я. – Ты, товарищ Васин, ведь тоже в прокладки идешь, от корней отрываешься. Почему не хочешь в колхозники или рабочие?

– Ну, не всё ж белоручкам докторами становиться. Я вот выучусь на хирурга и вернусь в родную Жуковку людей лечить, там как раз новую больницу начали строить. Ты ведь в Жуковку не поедешь?

– Это как сложится. Может, и поеду. Партия прикажет, комсомол ответит «есть!»

– Хотя и поедешь, так через три года уедешь. У нас в Жуковке приезжие не приживаются.

– Что так?

– Асфальтов у нас мало. Ну совсем нет. Опять же на двор ходить непривычны.

– Ну так и асфальт, и водопровод с канализацией дело наживное. Наживёте, люди к вам и потянутся.

– Ага. Вот сейчас прямо начну наживать.

– Охота вам попусту спорить, – сказал барон. – Ещё наспоримся. Шесть лет впереди.

– Да это не спор. Просто обмен мнениями, – ответил Васин.

Тут стали подходит и остальные. Устраиваться, знакомиться и коллективно ужинать. Хлеб, сало, домашние котлеты – всё на общий стол. Стол у нас был мировой, фанерный щит «Служу Отечеству» с румяным солдатиком в парадной форме. От военных остался. Мы его приспособили кое-как.

Сытому и спится слаще. Даже на голых нарах.

Утром с непривычки чувствовал себя странно. Тело ломило. И опять снились кошмары. Они мне часто снятся.

Завтрак, теперь уже общеотрядный, подкрашенный кипяток, ломоть серого хлеба и кубик маргарина.

– Ничего, обед будет с картошкой, – подбадривали мы себя. – Трудности закаляют.

На день-другой домашних запасов хватит. А сколько в поле картошки – увидим.

Поле оказалось неблизко. Четыре версты. В один конец.

Подъехал тракторист на «беларуси» с прицепом. Вот в этот прицеп и залезли те, кто посмелее. Человек двадцать. Стоя. А остальные пешком. Трактор доедет до поля, высадит, вернется за идущими, заберет следующую партию. А потом и третью.

Я в прицеп не полез. Подошел к Землицину.

– В таких тележках возить людей нельзя.

– Сейчас уборочная.

– И что?

– Время дорого. А такси для вас нет.

Трактор уехал, мы пошли. Минут через двадцать вернулся. Залезла вторая партия. Опять без меня.

– Не поеду и тебе не советую, – сказал я Ольге.

– Ну, неудобно же. Все едут.

– Не поеду, – уперся я.

– Смотрите, Чижик, вы противопоставляете себя товарищам, – громко, чтобы слышали все, заявил ассистент. – Им придется вашу норму выполнять, куда вы прогуливаться будете.

Я ничего не ответил. Но в тележку не полез. Барон и Васин посмотрели не то, чтобы осуждающе, но близко.

Я не поддался.

Так и шёл один. Недолго, трактор отъехал шагов на двести, затем вильнул, попал колесом в придорожную яму, а за ним вильнул и прицеп.

Вильнул, накренился и опрокинулся.

Когда я подбежал, большинство уже стояло вокруг трактора. Только Ольга лежала, стараясь не стонать. Перелом голени. Это я и без учёбы видел, и все видели – перелом-то открытый.

А Васин был мёртв. Головой о камень, да на скорости, да сверху прицеп – тут любой умрёт.

Примечание автора: случай этот списан с природы. Имена я, конечно, изменил, но что было, то было.

Глава 6

12 и 13 сентября 1972 года, вторник – среда

ВИЗИТЫ

Я вышел из вагона.

И двинул вдоль перрона.

Носильщики смотрели сквозь меня – чемодан мой был невелик, портфель и того меньше, а сам я молод и здоров, такому носильщик ни к чему.

Чемодан я сдал в камеру хранения и пошёл на стоянку такси.

Таксист тоже не видел меня – пока я не сел рядом с ним.

– В областную больницу, – сказал я.

– Два счетчика, – ответил он.

– С каких это пор?

– За оба конца. Я ведь оттуда пустой уеду.

– Вот уж нет. Мне туда и обратно. Включаем счетчик и едем.

Поехали.

Областная больница в Черноземске за городом. Недалеко, от вокзала – километров девять. Мы ехали с ветерком, дорога свободна, видимость миллион на миллион.

– А цветов не нужно? – спросил таксист.

– Цветов?

– В больницу обычно с цветами идут.

– Ну...

– В Подгорном, знаю место, цветы прямо из сада. При тебе и срежут.

Подгорное – пригородное село, рядом с больницей.

– Цветы – это хорошо, – согласился я.

Мы свернули с шоссе, в село вело дорога попроще, впрочем, тоже пустая. У дома с краю остановились.

Таксист по свойски прошел во двор, позвал хозяйку.

– Кому цветы? – спросила хозяйка.

– Студентка, комсомолка, просто красавица, – ответил я и зачем-то добавил:

– С переломом ноги лежит.

– От кого?

– От меня.

– Это я поняла. А ты-то кто, жених?

– Просто знакомый. Одноклассник. А теперь в одном институте учиться будем.

– Знакомый студент, ага. Тогда, – она секунду подумала, – тогда вот что!

Она зашла в цветник, и через пять минут вышла с букетом гладиолусов – белых, кремовых и красных.

Обошелся букет не совсем по-студенчески, в деньгах то есть. Даже совсем не по-студенчески. Но оно того стоило.

Поднявшись на четвертый этаж, я прошел в Отделение А. Отделение для изблюбленных людей. Вообще-то беспорядок – вот так запросто иду. А вдруг я диверсант, или псих какой? Приду с топором? Где стража?

Постовая сестра, впрочем, была.

– Куда? – строго спросила она.

– Сюда.

– К кому?

– К Ольге. Ольге Стельбовой.

– Ну, проходи, – в простоте она показала рукой на двери. Видно, букет внушал доверие. Ну, и я тоже.

Ольга лежала в первой палате. Это так говорится – лежала. На самом деле сидела. В кресле. Ногу только чуть в сторону отставила. На ноге – инженерная конструкция из спиц и колец.

– Ну, привет, Чижик, – сказала она. – Ух, цветов-то сколько!

Я не знал, что делать с букетом. Положил на стол, где в вазе уже стояли два букета, но с розами, а не гладиолусами.

– Ты как? – спросил я.

– Как видишь. Ещё неделю здесь пробуду. Или две.

– Ну, одна-две – это можно потерпеть, – я осмотрелся. – Палаты царские, однако.

Палата, и в самом деле, была роскошной. Цветной «Рубин» на стойке, радиола «Эстония», стол обеденный (с букетами), стол письменный с тремя телефонами, два кресла, диван. И дверь, ведущая в спальню, или как она в больнице значится. А другая – в ванную.

– Да я бы и в обыкновенную легла, но неудобно. Ко мне то следователи ходят, то отец, то ещё... Вот ты пришел. Беспокоить других ни к чему.

– А меня только раз к следователю вызвали, час под дверью продержали, двадцать минут поспрашивали, и всё.

– И всё, – подтвердила Ольга. – Дело закроют. Несчастный случай. Сами виноваты – полезли в прицеп.

– Так уж и сами.

– Ну, ты ведь не полез. А мы полезли. В общем, нечего шум поднимать, так отец сказал. Битва за урожай, она таки битва. Бывают и потери.

Я промолчал. Ну да, потери. Васина и потеряли. Но – политика, все-народный энтузиазм, даешь Черноземский урожай!

– Землицин уволился по собственному, будет преподавать в медучилище.

– А тракторист?

– Условно дадут. И в скотники переведут. До зимы. Ну, и выговоры всем. За несоблюдение трудовой дисциплины.

Опять помолчали.

Зашла санитарка с вазой. В смысле – с цветочной вазой.

– Я цветы поставлю? – спросила она у Ольги.

– Да, пожалуйста.

Гладиолусы смотрелись поавантажнее роз. Свежие. Прямо с грядки.

Когда санитарка вышла, я спросил, как нога, что за конструкция.

– Нет, не Илизарова. Кирсанова, нашего местного профессора.

– А в чём разница?

– Быстрее срастается кость. Ну, так профессор говорит.

– Это хорошо, что быстрее.

Мы опять минуту помолчали, потом я спохватился:

– Что это я всё о тебе, да о тебе. У меня новости получше будут.

– Давай получше.

– Во-первых, оперу утвердили в репертуаре Большого. Во-вторых, подписали договор. В-третьих, заплатили аванс. Я на твое имя сберкнижку завёл, нужно было для договора и аванса, – я открыл портфель и достал папочку. – Тут твоя копия, ну, и сберкнижка тоже.

– Это хорошо, – сказала Ольга.

– Денег не сказать, чтобы много, но после премьеры заплатят остальное. А главное – авторские отчисления. Будешь получать проценты от сборов. А сборы будут значительными.

- Ты себя не обидел?
- Не обидел. Я тоже буду получать проценты от сборов. Но это не всё. Наш оперный подпишет договор на тех же условиях. А за ним и другие оперные театры.
- Другие?
- В Союзе сорок оперных театров, даже больше. И, думаю, все они поставят нашу оперу. Так что выйдешь из больницы – и сразу записывайся на шоферские курсы.
- Ага, сейчас.
- Почему нет? К весне спокойно купишь «Волгу».
- Мне нельзя «Волгу». Личная нескромность. Дочь первого секретаря должна ездить на трамвае, как все.
- Ну, трамвай купишь. Денег хватит. Так что давай, записывайся на курсы.
- Мне сначала выписаться нужно, из больницы.
- Ну, тогда и запишешься.
- Видно было, что Ольга рада, но едва-едва.
- Теперь главное, тебе нужно срочно вступить в Союз Писателей.
- Вот так таки и срочно?
- Да. Предлагали даже заочно принять, в виде исключения, но я подумал, что ты не захочешь заочно.
- Рекомендации нужно...
- Рекомендации уже есть. От Ахмадулиной, от Евтушенко и от Рождественского.
- Правда?
- Они в папке, вместе с договором.
- Они читали мои стихи? – видно было, что Ольга теперь рада по-настоящему.
- Ну, а как же. Они даже обзор твоего творчества представляют. Кратенький, не диссертация, но всё ж.
- Откуда они взяли мои стихи?
- Во-первых, опера. Во-вторых, есть такая библиотека, Ленинская. А в-третьих, но самое главное, стихи хорошие, отчего ж и не прочитать?
- Хорошие?
- Я это тебе ещё когда сказал. А сейчас и поэты-лауреаты подтверждают. Так что не сомневайся. Хорошие.
- О том, что есть и в-четвертых, что поэтов попросила дать рекомендацию Галина Леонидовна, я умолчал. Галине Леонидовне (и в этот раз она тоже просила называть её просто Галей, все мы братья и сестры в искусстве) опера и в самом деле понравилась, и не только потому, что в Политруке она видела отца, а просто – музыка хорошая, и слова тоже. Это она сказала – «музыка хорошая, и слова тоже».
- Ольга вдруг нахмурилась:
- Опять будут говорить – папина дочка.
- Кто будет?
- Да все.
- Ну и что? Папина, да. А ты хочешь – ни в мать, ни в отца, а в заезжего молодца?
- Ты не понимаешь!
- Ага, конечно. Сами мы не местные... В общем, плюнь и разотри. Стихи ты сочинила? Ты. Так что это папенька твой может гордиться, что у него дочка – поэт. И ещё – я о земном. Машину купишь, не как дочка, а как член Союза Писателей, у них своя очередь. Коротенькая. И не на папины деньги, а на свои, заработанные. Не нравится «Волга» – возьмешь «Жигули», они и в управлении легче, и хлопот с ними, считай, никаких.
- Вам, мальчикам, лишь бы автомобильчики, – перебила меня Ольга, – а я вот посмотрю, как ты станешь на занятия на «ЗИМе» ездить.

– По правилам дорожного движения.
– И тебе не будет неловко? Все на трамвае, а ты...
– Не будет.
– Посмотрим. Ладно, а ты сам вступил в Союз Писателей?
– Зачем мне, я не писатель.
– Ну, композиторов.
– Я уже три года в Союзе Композиторов.
– Правда? С пятнадцати лет, получается, ты композитор?
– Ну да. Я в пионерах кантаты писал, оратории, даже симфонию накатал. Думаешь, я оперу с колени сочинил? У меня, брат Ольга, опыт.

Так и было. Сочинял. А потом как отрезало. И только сейчас ожило. Даже не знаю, почему. Говорить об этом я не стал, мои тараканы – это мои тараканы.

Тут пришла постовая сестра:

– Ольга Ивановна, сейчас профессорский обход.

Я и откланялся.

С таксистом я расстался у железнодорожного вокзала. Хватит, накатался. Буду как все. Электричкой, трамваем, ножками.

По дороге со станции меня остановил милиционер. Незнакомый. Не сказать, что я вообще близко знаком с милиционерами Сосновки, отнюдь нет, но в лицо-то знаю. И они меня. А этого не знал.

– Сержант Павлов, – представился он. – Ваши документы.

Обыкновенно я хожу безо всяких документов. Но как раз сейчас они были с собой – я ж из Москвы вернулся.

Сержант внимательно пролистал паспорт.

– Живёте...

– Солнечная, тридцать один, – сказал я.

Он сверился со страничкой прописки.

– Уезжали?

– Да, неделю был в Москве.

– Это хорошо, – он козырнул, возвращая паспорт.

Однако.

По пути я зашел в магазинчик. Хлеба купить. Нужно бы и всякого другого, но руки заняты: портфель, чемодан. Хлеб, половинку круглого, я положил в авоську, буду нести вместе с портфелем. Можно было бы и в портфель, но хлеб духовитый, горячий. Что пропахнет портфель, не страшно, а вот измажет – нехорошо. Дедушка не любил неопрятности, и эта нелюбовь отчасти передалась мне.

На выходе из магазина встретился почтальон.

– Вам письмо заказное, – сказал он. – Вас не было, я его в ящик бросил, вместе с прессой.

– Ладно.

– Видели уже, сколько милиции в Сосновке? – спросил он по праву почтальона. Почтальон, он если не всеобщий любимец, то всеобщий знакомец.

– Видел одного милиционера, – ответил я.

– Их много. Из Черноземска.

– Что-то случилось? – задал я ожидаемый вопрос.

– Так ведь пока вас не было, в Щукино ещё двое пропали. Дети, восьми лет.

Щукино – посёлок в шести километрах по железной дороге.

– Вот Андрей Николаевич – по праву почтальона он звал первого секретаря обкома запросто, по-родственному, – и распорядился. Кровь из носу, а отыскать мразь, и быстро.

Я не ответил. Что отвечать-то?

– Они и стараются, милиция. Под каждый камушек заглядывают, подворные обходы каждый день, проверяют, нет ли нарушений паспортного режима, и вообще. Спрашивают, не видел ли кто чего, – почтальон с надеждой посмотрел на меня.

– Я в Москве был, – разобнадёжил его я.

– Ну да, конечно. Если вдруг увидите подозрительное... или узнаете... или просто подумаете...

– Тут же позвоню в милицию, – закончил я.

– Именно, именно, – обрадовался почтальон, и мы расстались.

Дома я поставил на огонь кастрюлю, сегодня будет «суп перловый с мясом», из пакетика. Нужно будет кулинарную книгу купить, что ли. Здесь, в Сосновке, столовых нет, а в город не наездишься. Правда, занятия начнутся скоро, тогда и буду обедать в городских столовых.

Настроение, с утра бодрое, испортилось. Живёт же всякая мразь на свете, да не просто на свете, а где-то рядом. Где-то совсем рядом. Даже «заказное письмо», запрос Новосибирского Оперного театра на постановку, настроение не улучшил. Нет, постановка – это здорово, но вот что с чудовищами делать?

Ночью мне снился странный сон. Мне вообще последнее время снятся странные сны, но в них я обыкновенно горю. Буквально. В огне. И да, больно. Не очень, всё же сон, а не явь, но во сне – больно. А просыпаюсь, и не больно.

Но сегодня во сне я просто ехал в трамвае и читал газету. Небольшую, вроде «Недели», но называлась «Абсолютно секретно». Знаю, что таких газет не бывает, но сон же.

И в газете была статья милицейского генерала о Черноземном Маньяке, который убивал детей. Насиловал и убивал. Вышли на него случайно, по анонимному звонку. Кто-то позвонил и сказал, что убийца – капитан милиции Шевалицник. Сергей Шевалицник. И доказательства – фотографии детей, спрятаны в кладовке, в коричневом чемоданчике. Тогда многие звонили, называли убийцу. Иногда того, кто казался подозрительным, иногда хотели кому-то насолить, или просто по глупости. Сигналы проверяли, конечно. Любую ниточку проверяли. Вот и эту решили проверить. Хотя считали – пустой номер, Шевалицник был на хорошем счету, женат, двое детей. В ГАИ служил. Звонящий ещё предупреждал, что Шевалицник очень опасен, будет стрелять.

Мы подошли серьёзно, дождались, когда он останется в доме один. Только позвонили в дверь, а он открыл огонь. Двоих наших ранил, а потом застрелился. И да, в чемодане были фотографии жертв. Дело это замяли, нельзя было компрометировать органы. Просто сообщили, что преступник убит при задержании. Кто позвонил? Не знаем. Думали, кто-то из окружения Шевалицника, но не нашли.

Вот такой сон. Когда я проснулся, то первым делом записал – капитан Сергей Шевалицник, ГАИ, чемодан в кладовке, стреляет. Потом выпил стакан воды и опять уснул.

Утром долго смотрел на запись, вспоминая. Вспомнил. Глупый сон. Пойти в милицию и рассказать? Бред. Наплевать и забыть.

На станции, ожидая электричку, прочитал листовку. Призывали сообщать о своих подозрениях по 02 или городскому номеру. Ну, какие подозрения? Я знать не знаю никакого капитана Сергея Шевалицника, никогда и не слышал о таком. Может, его и вовсе не существует?

Если не существует, то и вреда от звонка никакого. А если существует, то либо найдут доказательства, и тогда я всё правильно сделаю, либо нет, тогда извините за беспокойство, я сошёл с ума.

Но электричку я пропустил. Дождался, пока она отправится в Чернозёмск, и перешел на новую сторону Сосновки. Железная дорога пересекает её, Сосновку, надвое: Большую Сосновку и новую Сосновку. Новая стала застраиваться недавно, лет десять назад. Собственно, одна только улица, Новая. Это её название – «Новая». Две дюжины домов, небольших, одно-

этажных. И вот в таком одноэтажном домике за номером восемь, и жил капитан Шевалицник. Откуда я знал? Ничего я не знал. Просто втемяшилось в голову, и только. Хотя... Хотя над воротами, на табличке с номером дома, была выведена фамилия – Шевалицник. В новой Сосновке я бываю редко, но все же бываю, особенно зимой: за ней начинается поле, по которому зимой прокладывают лыжню и катаются до посинения. В смысле от холода. Видно, я краем глаза когда-то прочитал фамилию, а теперь она и всплыла. Отсроченное воспоминание. С психами это бывает.

Я опять пересек пути и вернулся на станцию. Электрички ходят часто, ждать долго не пришлось.

Но мимо вокзальных таксофонов прошёл, звонить не стал. Сомнения одолевали меня, сомнения и нерешительность.

Зашел в институт, в деканат. После трагедии в Кротовых двориках все остались на картошке. Все, кроме меня и Ольги. Ну, с Ольгой понятно, перелом есть перелом, а я был готов плюнуть на институт. Армией меня пугать не нужно. Послужу. Скорее всего, в муззвезде. А хоть где.

То ли видя моё настроение, то ли из других соображений – как же, написал оперу о Леониде Ильиче, которую собираются ставить на сцене, такого запросто не отчислишь, – меня оставили «при деканате», и без звука отпустили в Москву, в Большой.

Вот, вернулся и доложил.

– Что собираетесь делать дальше? – спросил замдекана.

– Работать над постановкой, – сказал я.

– Ну, счастливо, – и меня отпустили до начала занятий.

Мог бы и вовсе в колхоз не ездить. Так нет же, чужого мнения испугался. Все едут, а я что? Даже Ольга, дочка Первого Секретаря едет, а я в кусты? Битва за урожай не терпит дезертиров..

С кем битва, почему битва? Кто враг?

Некомсомольские это мысли.

Я шёл по улице к «Блинам» – популярной кафешке. По утреннему времени она была полупустой, и я без задержки наелся отличных блинов. Со сметаной.

Стало немного лучше. Совсем немного.

Ну и что дальше?

Зашел в телефонную будку – их стояло четыре рядом.

Снял трубку. Набрал ноль два.

– Дежурный слушает.

– Записывайте: детей убивает один из ваших. Капитан Сергей Шевалицник. Фотографии убитых хранит в коричневом чемоданчике дома, в кладовке. И будьте осторожны – он готов стрелять на поражение.

Сказал и повесил трубку.

Ну, вот я и перешел черту между сомнением и уверенностью. Да, я очевидно сошел с ума – верю собственным снам. И поступаю соответственно.

Глава 7

21 октября 1972 года, суббота и далее

САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Сегодня «День первокурсника». В программе приветственные речи, концерт и танцы. Ура.

И первокурсники радовались. Почему бы и не радоваться? Урожай убрали и уже неделю, как учились на врачей! Химия, физика, история (на этот раз партии), иностранные языки, физкультура – это ладно, это знакомо по школе. А вот физиология и анатомия – точно медицинские дисциплины. И потому на лекции и занятия по этим предметам непременно следует ходить в белых халатах. И белых колпаках! Чтобы ясно было всем! А тут еще концерт! И танцы!

А я как-то не очень радовался. Даже не знаю, почему. Учёба давалась легко, даже анатомия. Во всяком случае, сейчас, поначалу. Скучать – не скучал: иногда ходил на репетиции оперы, скромно сидел в углу, а на вопросы отвечал только «Это замечательно у вас выходит» – не кривя душой, выходило и в самом деле хорошо. А по вечерам оставался на представления, чтобы проникнуться. А после представлений вместе с коллективом отмечал выступления. Традиция такая в театре – после занавеса отметить. Я без спиртного: во-первых, за рулем, во-вторых, опять за рулём. Симпатичные девушки говорили со мной ласково, мужчины – тоже ласково, или, во всяком случае не демонстративно-злобно. Взрослые, уверенные в себе люди, артисты, а кто я? Пацанчик на вырост, пусть и не без искры, раз сумел сочинить целую оперу. Может, он и ещё что-нибудь сочинит?

Итак, «День первокурсника». Проходил он в Дворце Пятидесятилетия Великого Октября, по-простому – в «Полтиннике». Ну, не в институте же. Нас, первокурсников, много. Шестьсот человек. Пусть и не все пришли. Кто-то не мог, кто-то не захотел. В любом случае, в институте нет такого зала, чтобы всех вместить. А в «Полтиннике» – запросто.

– Ты, Чижик, сегодня просто франт и красавчик, – сказала Бочарова. Мы сидели рядом – Бочарова, Стельбова и я. Ну, и еще двенадцать человек нашей группы. С остальными двенадцатью пока отношения только налаживались. Наладятся, чего уж там.

– Я всегда такой, – ответил я.

– Костюмчик в Москве отхватил? – продолжила Бочарова.

– В Москве, – согласился я.

– В ЦУМе?

– Вроде того.

Я и в самом деле принарядился. Дело было так: маменька и Галя решили, что негоже мне на репетиции и вообще ходить оборвышем, нужно приодеться. И меня повели в какой-то магазин не для всех. Им забава, живую куклу нарядить. А я что, нужно, значит, нужно. Два костюма – серый югославский и синий польский, две пары туфель – Чехословакия, брат. Ну, и по мелочам Одних галстуков шесть штук. Хорошо, я при деньгах был, дедушкин конвертик взял. Это так, разминочка, сказала Галина Леонидовна, то есть Галя. К премьере подыщут что-нибудь особенное. Из Лондона и Парижа.

– А галстук ты сам завязываешь, или он у тебя на резинке?

– Сам, – кротко отвечал я.

– И бабочку можешь?

– И бабочку.

Я и в самом деле примеривался, не повязать ли бабочку, но потом решил, что слишком уж по-детски это будет. А я и так не старый. На вид.

Торжественная часть завершилась, и сразу, без перерыва, начался концерт. Самодеятельность во всех её проявлениях. Стараются.

– А ты бы так мог? – не понимает Надежда в перерыве.

– Вряд ли, – чистосердечно отвечаю я.

– Ну, так уж и не мог бы, – сомневается Бочарова.

– Он хочет сказать, что это не его уровень. Орлы мух не клюют, – подала голос Ольга. Сегодня она молчалива и грустна. Чудо-аппарат местного светила выдает чудеса пониженной чудесатости, и нога по-прежнему окружена ажурной конструкцией. Ну, и костыли, как без костылей с такой ногой. Так что праздник для Стельбовой тот ещё. Но, видно, её папенька настоял на присутствии. Политика. Пусть все видят, что в битве за урожай все равны, а некоторые даже и здоровье не жалеют на общее благо.

– Ты в самом деле Орел?

– Я Чижик, и с меня довольно.

Тут перерыв окончился, и вторую часть отдали целиком достопримечательности нашего института, группе «Медпункт». Второй в городе среди институтских. А институтов – девять, так что второе место – успех. Серебряный ярлык.

Особо нас не баловали. Спели четыре песни – и на том концерт кончился.

– А ты, Чижик, на гитаре играть умеешь? Или только на рояле?

– Умею и на гитаре. В меру.

– Ну... – Бочарова явно что-то затевала. Её выбрали комсоргом группы, но ей нужно большего. Хочет стать комсоргом курса. Для начала. Для этого нужно показать активность. Проявить организаторские способности. А художественная самодеятельность хороша чем? Художественная самодеятельность хороша тем, что всякому видна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.